LE COURRIER SOCIALISTE

THE SOCIALIST COURIER

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОРГАН РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 1 раз в месяц.
Адрес редакции и конторы: 7 East 15th St., Room 407, New York 3, N. Y.
Direction et Bureau en France: F. ATRAN, 6, Square de l'Opéra. — PARIS.

32-ой год издания
№ 4 (852)

Нью-Йорк - Париж
Апрель 1952 г.

Цена: в США, 35 ц.
En France 50 Fr.

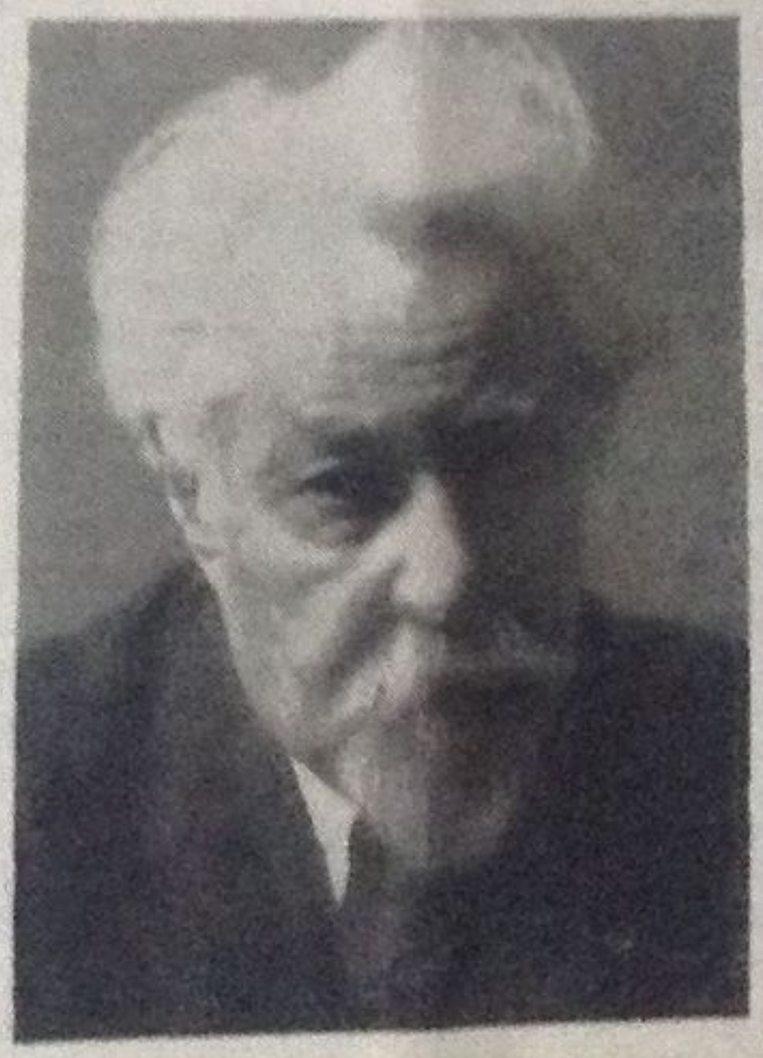
СОДЕРЖАНИЕ:

Передовая: Человечность или государственные интересы?
И. Берлин: Об эволюции большевистской диктатуры.
С. Шварц: О ценах, заработной плате и о прочем.
М. Ершов: О колорадском жучке.
Е. Юрьевский: Несколько слов о предшественниках.
ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ:
В. Александрова: Черты нового.
Г. Александров: Тень грядущего диктатора.
Р. Абрамович: Герои ноту-правды.
Ю. Денике: Леон Блюм в 1936 году (ст. 2-ая).
Л. Блит: Победа рабочей партии на городскихвыборах. (Письмо из Лондона).
ПАМЯТИ В. М. ЧЕРНОВА:
Похороны В. М. Чернова.
Речь **М. В. Вишняка**, письмо **В. М. Зензинова**.

ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ ИЛИ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНТЕРЕСЫ?

Правительство США, а с ним вместе и вся Организация Объединенных Наций, ведущие в Корее войну против агрессии, начатой в июне 1950 г. коммунистической диктатурой Сев. Кореи против Южной Кореи, оказались перед лицом серьезного и глубокого морального конфликта, между тем, что кажется в данный момент реальным или государственным интересом США (и всей ООН), и соображениями человечности. Речь идет об обмене военнопленными в случае заключения перемирия между воюющими в Корее сторонами.

Коммунисты неумолимо и брутально настаивают на том, что ОН должны передать им всех тех северо-корейских солдат и китайских добровольцев, которые были взяты за все это время в плен союзниками, обязуясь, взамен, со своей стороны передать ОН всех взятых ими в плен солдат и офицеров различных отрядов ген. Риджвея. На первый взгляд не видно, где же тут проблема. На самом деле, проблема есть — и очень тяжелая, из которой трудно найти выход. Дело в том, что хотя Сев. Корея и Китай управляются коммунистами, их солдаты на фронте отнюдь не коммунистически настроены. Многие из них не только не являются сторонниками своих режимов, но придерживаются прямо противоположных взглядов. Другие начали войну фанатическими коммунистами, но затем, в ходе войны, и в значительной степени — в результате союзнической пропаганды, стали анти-коммунистами. Некоторые из них нарочно вытатуировали на своем теле антикоммунистические лозунги, твердо решив никогда больше не возвращаться под власть своих правительств.



В. М. ЧЕРНОВ.

Таким образом, в руках союзного командования в Корее накопилось свыше 130.000 пленных, из коих несколько тысяч (говорят, до 12.000) северо-корейских и китайских военнопленных, которые пуще огня боятся выдачи их на расправу своим бывшим правителям. А между тем, деле-

газы этих правительств в Панмунджане ультимативно настаивают на выдаче им их «изменников». Для русских знакомая картина: «ялтинская» ситуация 1945-46 годов в германских, австрийских и итальянских лагерях.

Но пойдут ли американцы и представители ОН на новую «Ялту»? Об этом сейчас идет речь, и тут как бы возникает конфликт между соображениями человечности и государственными интересами, или тем, что в данную минуту многим кажется государственным интересом.

Стремление к миру чрезвычайно сильно в США и ряде европейских стран. Население все больше и больше приходит к выводу о бесполезности и бесцельности дальнейшего кровопролития в Корее, на совершенно второстепенном фронте мировой войны, на котором победа не принесет никаких серьезных преимуществ. Да и самая эта победа становится все более сомнительной: силы обеих сторон все больше приходят в состояние равновесия, и победить та или иная сторона могла бы, лишь бросив в Корею такие огромные силы и столько самого новейшего и усовершенствованного вооружения, что этим она, в частности США, должна была бы ослабить свои силы и свой военный потенциал на других, гораздо более важных участках глобальной борьбы.

Но совершенно независимо от этих стратегических соображений, которые интересуют главным образом военных и ответственных политиков, большую роль играет настроение широких масс населения. Американский народ с первого момента корейской войны несет на себе основное бремя и военных операций, и жертв. Он потерял десятки тысяч убитыми и ранеными, не говоря уже о пленных, доля которых в руках коммунистов не очень сладка. Матери и жены требуют обратно своих сыновей и мужей. Искусно раздуваемая коммунистической пропагандой надежда на скорый мир разожгла жажду мира, и идея прекращения дальнейшего, совершенно бесполезного кровопролития получает много приверженцев.

В первые месяцы переговоров союзники стояли непоколебимо на том, что они отправят на родину только тех пленных, которые выразят желание быть туда отправленными. Они категорически отказались выдавать против их воли тех, которые вернуться не хотят.

Но чем дальше переговоры затягивались, тем больше находилось таких, которые настаивали на «компромиссе». А потом было условлено, что пункт об обмене пленными будет изъят из открытых переговоров, и что по этому пункту переговоры будут вестись тайные. Официальная мотивировка на этой стороне была та, что надо дать возможность коммунистам «спасти лицо», что надо придумать формулу, которая явилась бы для них приемлемой, но в то же время не требовала бы от американцев нарушения своих принципов. Та же мотивировка, но с обратным знаком, была, однако, и на «той стороне»: коммунисты заявляли, что надо придумать формулу, которая дала бы возможность американцам уступить, не «теряя лица».

Не знаем, что было придумано с американской стороны, но с коммунистической стороны был сделан шаг, который может оказаться опасным для анти-коммунистов. Пекинские газеты вдруг стали торжественно заявлять, что они обязуются всех пленных, возвращающихся из американского плена, принимать, как заблудшихся братьев, их не наказывать, и даже те, которые во время плена изменили коммунизму, тоже не подвергнутся никакому наказанию.

Нам, знающим повадки коммунистов и знакомым с историей гражданской войны в России, совершенно ясно, что целью всех этих либеральных заявлений является желание коммунистов своей «формулой» облегчить американцам капитуляцию перед коммунистическим ультиматумом. Ссылаясь на эти «гарантии» коммунистов, американские власти смогут заявить, что теперь-де они могут с чистой совестью «предложить» всем военнопленным корейцам и китайцам вернуться домой, ибо им, ведь, там ничто не грозит.

Однако, горе тем, которые вернутся, полагаясь на эти гарантии. Даже сохранившим коммунистическую веру, придется пройти через горнило суровых чисток (и доносы «комячеек» в лагерях сыграют при этом большую роль). Что же касается тех, которые перебежали на сторону американцев с «пропусками», распространявшимися на фронте американской пропагандой, то их доля незавидна: многих просто ликвидируют, других пошлют в лагеря, и т. д.

Разве советское правительство после взятия Перекопа не гарантировало безопасности всем офицерам Белой армии, которые добровольно зарегистрируются до определенного срока? Однако, эта гарантия не помешала «тройке», во главе с Бела Куном, расстрелять 30.000 офицеров! А что было с амнистиями и «отменой» смертной казни в России? А что сделали с советскими военнопленными, вернувшимися из финского плена в 1940 году? Их встретили на советской границе со знаменами, а затем — часть расстреляли, часть отправили в лагеря. (См. корреспонденцию «Преступление и наказание», в «Соц. В.», № 1-2 от 15 февраля 1949 г.). И мало ли обещаний надавали офицеры советских репатриационных комиссий в лагерях 1945-46 г. г.? А что было на деле!?

Мы, поэтому, считаем необходимым своевременно поднять тревогу в связи с тайными и таинственными переговорами об обмене военнопленными, которые ведутся сейчас в Панмунджане. Р. А. Абрамович напечатал 12-го апреля с. г. большое «письмо в редакцию» большой нью-йоркской газеты «Херальд Трибюн», предостерегая против капитуляции в этом вопросе. Вождь американских социалистов Норман Томас обратился с аналогичным письмом к президенту Труману. В еженедельнике «Нью Лидер» появилась энергичная передовая, некоторые организации «Защиты Прав Человека» собирают подписи протеста против такой возможности.

Мы не знаем, в какой мере действительно имеются намерения предать несчастных военнопленных, доверившихся обещаниям США. Но в таких случаях лучше не быть чрезмерными оптимистами. Соблазн купить мир в Корее за счет отступления от требований гуманности и человечности может оказаться очень велик. Некоторые политики могут оказаться очень склонными придти на президентские выборы с подписанным миром в кармане. Давление жен и матерей, которые будут требовать, чтобы «не платили жизнью их мужей и сыновей» за «спасение китайских и корейских военнопленных», может оказаться серьезным фактором. Правителям США понадобится немало твердости, чтобы не допустить до капитуляции в вопросе, в котором, по нашему глубокому убеждению, не только чувство человечности, но и под-

линный государственный расчет должен продиктовать политику верности слову и принципам гуманности. Америка не торгует людьми и человеческими жизнями, — должен быть ответ американских делегатов в Панмунджоне. Вашим «гарантиям» мы не доверяем, и никогда не пошлем к вам насильно на муки и смерть людей, которые не совершили никакого преступления, кроме неприятия вашего режима. Таков должен быть непреклонный ответ США, — страны, которая справедливо гордится своими свободолюбивыми традициями.

И эта достойная, человечная позиция в то же время явится и самой лучшей с точки зрения интересов государства в правильном понимании. Америка не должна ставить на карту свой моральный престиж, и она повредит своей репутации среди народов мира, если, по соображениям предвыборным или иным, предпочтет высоким принципам гуманности мелкие преходящие выгоды практического характера, как бы они ни были важны сами по себе. Нет действительного противоречия между человечностью и государственностью в демократической стране: даже с точки зрения практической политики — доверие и любовь угнетенных народов мира тоже ведь практический фактор в политике дальнего прицела — человечность, политика человечности и верности демократии является наиболее выгодной для страны.

П. БЕРЛИН

Об эволюции большевистской диктатуры

Весь мир, органический и неорганический, находится в безостановочном процессе эволюции. Эволюционируют и скалы. И, конечно, и большевистский мир находится в процессе эволюции, как и мир небольшевистский. И большевизм за те тридцать лет, в течение которых он царствует и управляет на пятой части света, проделал большую эволюцию. Этот период в тридцать лет, с точки зрения биографии под большевизмом живущих людей, конечно, нестерпимо долог, но с точки зрения истории — незначительный отрезок времени, и тем не менее за это время большевизм проделал большую эволюцию, его преобразившую. Поэтому беспредметно и бесплодно спорить о том, как это часто делают, — эволюционирует ли большевизм, или нет? Конечно, эволюционирует. Но весь вопрос — в каком направлении, в каких формах, темпах? Идет ли эта эволюция параллельно с общей эволюцией всего свободного мира, или ему наперерез? И в математике, как известно, параллельные линии встречаются где-то в бесконечно далеком пространстве. В истории же они встречаются и сталкиваются на близком расстоянии, и два мира, параллельно развивающихся, но построенных и растущих на диаметрально противоположных началах, в нынешних условиях быстрого срастания всего мира в одно единое и неделимое целое, неизбежно встретятся и столкнутся в исторически недалеком времени. Такова постановка вопроса о сосуществовании свободного и тоталитарного мира.

Когда в 1922 году была выслана из России большая группа ученых, писателей, общественных деятелей, то среди них была маленькая группа талантливых публицистов, которая немедленно по приезде заграницу поставила вопрос об эволюции большевизма и дала на него положительный ответ. Это были Е. Кускова, А. Пешехонов, М. Осоргин. В ряде статей и докладов, вызвавших большое оживление в эмиграции, страстно дебатировался вопрос об эволюции большевизма. И при этом тотчас вопрос этот уперся в дальнейший вопрос — да о какой эволюции, в какую сторону идет речь, к чему ведет и приведет эта эволюция? И как только поставлен был этот вопрос на ту единственно реальную почву, на которой его только можно и должно обсуждать, сейчас же обнаружились значительные разногласия не только между этой группой и ее оппонентами, но и внутри самой группы. Я не стану излагать перипетий этого спора, уже «взвешенного судьбою». Остановлюсь лишь на позиции, которую занял тогда Милюков, и которая и сейчас представляет большой интерес.

В процессе спора об эволюции большевизма с названной группой писателей, говорит Милюков, «нам пришлось пять раз менять наш ответ на этот вопрос. Вначале мы отвечали кратко: советская власть эволюционировать не может. Но мы должны были вскоре прибавить: да, Россия может эволюционировать и при советской власти, но несмотря на нее и вопреки ей. Но нам пришлось еще раз пересмотреть вопрос и сделать дальнейший шаг, признав, что эволюция может происходить также и благодаря сознательной политике советской власти, вынужденной в собственных интересах перейти от политики разрушения к политике восстановления производительных сил. Оставалось решить, может ли при этом эволюционировать не только Россия, но и сама советская власть. Мы были правы, когда утверждали что для этого ей нужно самоуничтожиться, потеряв смысл существования, перестав быть самой собою».

Таким образом, как только от общих, расплывчатых и беспредметных споров об эволюции большевизма перешли к реальным отношениям, то у одного Милюкова оказались, как он сам указывал, пять вариантов вопроса. Но этими пятью вариантами, как мы сейчас увидим, не только не исчерпывался вопрос, а наоборот, они подводили к самому сложному и запутанному узлу вопроса.

Люди, воспитанные в отношениях, идеях, измерениях девятнадцатого века, подходят и к суждениям о тоталитаризме с этим самым багажом, и когда они говорят об эволюции большевизма, они неизбежно считают, что под его эволюцией надо, и только и можно, понимать его сближение с этими самыми идеями свободного строя. Всякое же иное направление эволюции в сторону не приближения, а удаления от идей свободного строя им кажется либо невозможным, либо не эволюцией. Тут бессознательно идея эволюции смешивается с идеей прогресса, а прогресс понимается только в том смысле и направлении, как он понимался и в девятнадцатом веке. Мы подходим здесь к очень интересному вопросу, сыгравшему огромную роль в процессе понимания или, если угодно, непонимания большевизма и борьбы с ним.

Для людей, воспитанных на идеях и отношениях девятнадцатого века, тоталитарный строй или большевизм, не как течение мысли или одно из социалистических направлений, а как строй, определяющий всю жизнь народа и исключающий возможность всякого иного, ка-

жется просто невозможным, что-то из апокалипсиса, какое-то бредовое состояние. Когда Ленин приехал в Россию и выступил со своими речами, то не только его противники, но и видные большевики отнеслись к его «апрельским тезисам» просто как к какому-то бреду. Вчерашний видный и близкий соратник Ленина, потом от него отошедший, Базаров (Руднев) поместил в газете «Новая Жизнь» статью, доказывая в ней, что с идеями, провозглашенными Лениным, политике нечего делать, это дело психиатрии. И ему вторил полностью Горький. После речи Ленина на объединенном совещании социалдемократов, Богданов в бешенстве заявил: «Ведь это бред, это бред сумасшедшего. Стыдно аплодировать этой галиматье. Вы позорите себя, марксисты!» Скобелев называл Ленина отпетым человеком, стоящим вне движения. Историк революции Суханов успокаивал, что «Ленин в настоящем его виде до такой степени ни для кого неприемлем, что сейчас он совершенно не опасен». Плеханов в «Единстве» пишет, что бредовые идеи Ленина никого не соблазнят, а Чхеидзе в свою очередь успокаивал: «Вне революции останется лишь Ленин, а мы все пойдем своим путем». И даже Троцкий, приехав в Данию и узнав о выступлении Ленина, говорил: «Неужели Ильич в самом деле сошел с ума и такие дикости наделал своими выступлениями?» И все это закрепляла сложившаяся частушка: «Сколько Ленин ни болтай, с ним согласна лишь Колонтай». А в конце апреля в особняке Кшесинской состоялась всероссийская большевистская конференция, и на ней 140 делегатов, при протесте единиц, приняли целиком все эти объявленные бредовыми идеи Ленина. Ленин хорошо знал свою аудиторию. Когда же Ленин стал тучей, угрожающе нависшей над февральской революцией, в «Речи» Милюков поместил статью, в которой писал, что если бы не жалко было слез и крови населения, то в сущности следовало бы не препятствовать большевикам завладеть властью. Их совершенно сумасбродная идея с треском бы провалилась очень скоро, и русский народ, соблазненный и смущенный большевизмом, навсегда утратил бы к нему вкус.

Самая пылкая фантазия не могла бы вместить в себя возможности сколько-нибудь длительного существования большевизма, как государственной системы.

В. Набоков рассказывает в своих воспоминаниях, что вскоре после приезда Ленина, когда он раскрыл сразу свои планы, А. Керенский как-то сказал, что он хочет побывать у Ленина и побеседовать с ним. На недоумение Набокова А. Керенский ответил: «Ведь он живет в совершенно изолированной атмосфере, он ничего не знает, видит все через очки своего фанатизма, около него нет никого, кто бы хоть сколько-нибудь помог ему ориентироваться в том, что происходит».

Личный большевизм Ленина казался бурной утопией, как строй мысли, а большевизм, как государственный строй, просто считался невозможным, неправдоподобным. Никакая фантазия не могла представить себе сколько-нибудь прочный государственный большевизм.

Мы видели, что Милюков прошел через пять фазисов взгляда на эволюцию большевизма, и в числе этих пяти не было как раз того, по которому пошла большевистская эволюция, т. е. эволюция большевизма в сторону отмирания специфически большевистских особенностей, а наоборот, их укрепления и расширения. Большевизм в своей эволюции обнаружил способность достигнуть значительно более высокой степени промышленного развития, военной мощи, расширения и укрепления границ, роста грамотности и успехов техники. Но вопреки всему, что предполагалось, все это не отразилось на политическом раскрепощении страны, на создании режима правового государства и личной свободы.

В спорах с Е. Кусковой в двадцатых годах Милюков подчеркивал, что по отношению к большевикам **«непримиримость для нас не только тактическая директива, а и категорический императив»** («Эмиграция на распутьи», стр. 108. Подчеркнуто Милюковым). Для сов. власти Милюков видел тогда лишь два пути — или она откажется от политического преобразования, и тогда неизбежен революционный переворот, или же она вынуждена будет принимать все более сильные дозы антибольшевизма для успокоения поднимающегося недовольства населения, и тогда произойдет ее самоотравление. И в эволюции большевизма он усматривал несомненные симптомы этого перерождения под давлением населения. «В самом деле, — писал П. Милюков в названной книжке, — что говорят объективные факты? Они говорят, что в России жизнь не стоит на месте, а движется вперед, притом ускоряющимся темпом и в том самом направлении, которое оправдывает наши ожидания». П. Милюков приводил далее перечень явлений из самых различных областей советской жизни, свидетельствовавших о наступающей активности населения и отступающей на реформистские позиции советской власти. И опять все то же явление — невозможность эволюции власти в сторону укрепления и расширения большевизма.

Перечисленные факты дают нам, так сказать, историю болезни в вопросе об эволюции большевизма. Диагнозы и терапия тогда, в двадцатых годах, когда выдвинут был вопрос об эволюции большевизма, были сходны в одном: или большевизм погибнет от революционного удара, если не сумеет или не захочет пойти навстречу требованиям населения, или же советская власть, как выражался Милюков, вынуждена будет принимать все большие дозы все более сильного средства реформы против революции и кончит самоотравлением.

В обоих случаях большевизм признавался неизлечимым. Это не значило, что произойдет реставрация капитализма. Многие завоевания останутся в силе, но отпадут те специфические особенности политического крепостничества, которые характеризовали тоталитарный строй.

Все эти споры происходили в двадцатых годах, когда надвинулся НЭП, когда советская власть зашла в тупик и капитулировала. НЭП и нэповские настроения вызвали в стране большое и экономическое и политическое оживление: крестьянское хозяйство начинало оживать, рынок начинал наполняться всяческою снедью, появились товары, в литературе и журналистике повеяло вольным духом. Налицо были, таким образом, все условия, чтобы большевизм постепенно отмирал в своей непримиримости и своеобразии. Происходила мирная борьба между тоталитаризмом и более свободным экономическим и политическим укладом, и действительно можно было надеяться, что победа останется за последним, так как большевизм всем казался временным, острым и излечимым социальным помешательством. Исто-

рия дала, казалось, все предпосылки для того, чтобы развитие страны и изживание большевизма пошли путем мирной эволюции. Навстречу этому пошла и власть своим провозглашением НЭП-а.

Прошло с тех пор четверть века, и, сопоставляя эти двадцатые годы с нынешними, мы получаем чрезвычайно интересный материал для решения вопроса — куда же, по какой дороге пошла эволюция большевизма?

При этом выясняется чрезвычайно важный для понимания судеб большевизма, а с ним и всей современной истории, факт, не имеющий прецедента в истории и вскрывающий природу тоталитаризма. Факт этот заключается в том, что большевики изобрели способ изолирования политической структуры и политического строя от развивающихся производительных сил. Производительные силы в России несомненно сильно развились и развиваются, рабочий класс чрезвычайно вырос и по своей численности, и по своему удельному весу в советской экономике. Техника сделала очень большие успехи. Отсюда наш исторический опыт, вся историческая действительность повелевали сделать вывод, что и политическая структура должна преобразоваться. И при царском строе политика отставала от экономики. Сильный рост и производительных сил, и рабочего класса сопровождался очень замедленным изменением политики. Но все же политика все время, пусть с боем, но отступала от напора экономики, которая и пробивала брешь за брешью в старом политическом порядке. И поскольку последний тормозил экономику, поднималась политическая активность населения и ее передовые слои вступали в открытую борьбу с властью. Экономика подтачивала политику и, как мы знаем, окончательно свергла старый политический порядок, и не сразу, а целою цепью завоеваний.

Между тем, если мы сравним то, что было, как мы видели четверть века тому назад, с тем, что мы переживаем сейчас, то бросится в глаза «безграмотный» с точки зрения наших социологических взглядов факт, что за этот промежуток времени производительные силы чрезвычайно развились, рабочий класс сильно вырос, а политический строй если и эволюционировал, то в сторону как раз противоположную той, которую ему указывала и приказывала историческая наука, т. е. в сторону усиления преследований свободного политического движения, в сторону полного обезличения человеческой личности. В борьбе за существование идей и отношений в Советской России выживают и торжествуют как раз те начала и формы политической структуры, которые знаменовали рост самодержания, гнета, унижения и эксплуатации человеческой личности государством.

Ужас концентрационных лагерей не только в том, что там страдают и гибнут миллионы людей, обращенных в рабов, но еще и в том, что эти лагеря не представляют инородное тело в советском организме. Они являются как бы концентратом, вытяжкой из всего советского социального организма, и этот стиль концентрационных лагерей в несколько разбавленном виде, но по сути тот же, существует и в законодательстве и в быту фабрик, заводов, колхозов.

Все рассуждения и предсказания относительно эволюции большевизма спотыкаются о тот «безграмотный» факт, который лежит в основе советского тоталитаризма, — факт непроницаемости политики, необратимости экономических завоеваний в политические. Вследствие этого, никакие хозяйственные успехи не влекут за собой, как в этом были уверены, преобразование политики на свободных началах и с политической эмансипацией человеческой личности. Рост производительных сил не привел в Советской России к поднятию благосостояния населения, но можно теоретически представить себе эту возможность в известных пределах. Но этот рост не вел и не поведет к изменению политической линии, к отказу от политического закрепощения, так как это составляет суть, особую стать тоталитарного режима, от которой он может отказаться только путем самоуничтожения.

Политическая кастрация экономического и культурного прогресса, несомненно совершающегося в Советской России, изоляция коммунистического самодержавия от разрушающего влияния развития производительных сил — такова особая примета советской эволюции. Конечно, если брать геологические темпы и сроки, то в каком-то далеком времени молекулярные изменения должны подточить и большевистский тоталитаризм, как где-то в бесконечной дали встречаются и параллельные линии. Но на расстоянии исторического зрения только катастрофа может разрушить изоляционную преграду между развивающейся экономикой и окаменевшим самодержавным строем.

С. ШВАРЦ

О ЦЕНАХ, ЗАРОБОТНОЙ ПЛАТЕ И О ПРОЧЕМ

1.

Советский рубль за годы пятилеток подвергся чрезвычайному обесценению. Сейчас трудно себе представить, что в 1928 году, перед началом эпохи пятилеток, за 8-9 копеек можно было купить килограмм хлеба — и при этом без карточек, что килограмм говядины стоил 85-90 копеек, кгр. сахара 60 копеек и т. д., что почти на таком же, кажущемся сейчас прямо невероятном, уровне держались и цены на промышленные товары. С переходом к политике сталинских пятилеток все это очень быстро было разрушено. Печатный станок создавал все новые и новые бумажные миллиарды, далеко опережая рост товарной массы. Рубль катился вниз. Ко времени вступления Советского Союза в войну советский рубль уже был самой немощной валютой в Европе. Война нанесла ему новый страшный удар.

В декабре 1947 года была проведена денежная реформа. Это была тяжелая хирургическая операция. Сама по себе операция эта была необходима, но проведена она — и это отнюдь не было необходимо — с грубым нарушением интересов масс трудящегося населения, особенно крестьянства, с явным стремлением максимально оградить интересы привилегированного меньшинства *). Так или иначе процесс инфляционного обесценения рубля был остановлен. С тех пор со-

*) См. статью "Денежная реформа и отмена карточек" в декабрьском выпуске "Социалистического Вестника" за 1947 г.

нал «Знамя» правильно пишет, что «до великой октябрьской революции было выдвинуто около **трех десятков проектов** соединения Волги и Дона. В некоторых из них высказывалась мысль, что для этого дела нужно привлечь иностранный капитал и иностранных специалистов. К помощи последних, в лице немецких профессоров и инженеров (Тьери, Херц, Келлен, Гуерс), и прибегла советская власть, когда 24 года тому назад приступила к разработке проекта Волжско-Донского канала. Немцы около Петсдама соорудили тогда большую модель будущего канала, очень облегчившую советским инженерам овладение всеми необходимыми деталями проекта. А летом 1929 года немецкие специалисты посетили место стройки будущего канала и проверяли правильность геологических изысканий на его трассе».

Почти законченный сейчас Волжско-Донской канал с его 13-ю шлюзами имеет вид, весьма отличающийся от проекта 1929 г. Советские специалисты, — а их технические знания и строительский опыт за истекшую четверть века достигли высокого уровня, — прежний проект переработали, расширили, усложнили. Но все же не следует забывать, что осуществлению этого большого строительства способствовала полученная в свое время иностранная помощь и учеба. Ряд ее указаний воспринят и удержан, в частности, местом выхода канала на Волгу избран Красноармейск (Сарепта), а именно на этом настаивали немцы. Кто мог бы тогда, в 1929 г., предполагать, что у выхода канала на гигантском постаменте, возвышаясь на 40 метров над уровнем Волги, будет водружаться статуя «великого Сталина», не только как диктатора, при жизни которого появляется канал, а гения, его замыслившего Впрочем, Сталин не только здесь, а всюду. Он как бог — вездесущ. На мозаике только что открытой «Комсомольской» станции московского метро он представлен в окружении «верных соратников»: Александра Невского, Дмитрия Донского, Суворова и Кутузова...

***

Государственная религия, разумеется, считает Сталина и автором проекта Великого Туркменского канала. Но если в этом случае, как и других, игнорировать это сумасшедшее притязание, можно легко найти настоящих предшественников проекта. Мы имеем в виду экспедицию в Среднюю Азию в **1879-83 г. г.** генерала А. И. Глуховского. Ее технические и общие средства были ничтожны в сравнении с теми, коими ныне располагают исследователи вообще, советские в особенности. В наше время исследуемая местность может быть нанесена на карту с огромной быстротой, благодаря фотографированию с самолета. А вот 70 лет назад экспедиции Глуховского, медленно подвигавшейся по пустыне, приходилось на это затрачивать не месяцы, а годы. Бедность в технических средствах не помешала экспедиции быть богатой догадками и дать по тому времени ценнейшие сведения о русле, прежде мощной, но потом высохшей реки Узбой. Когда и как эта река исчезла, сколько веков с тех пор прошло, — о том ученые держатся разного мнения. Бесспорно только, что прежде воды Аму-Дарьи, или часть их в виде одного из ее рукавов, неслись не в Аральское море, а поворачивали на запад. Через ныне тоже высохшую реку Куню-Дарью они попадали в наполненную водой Саракамышскую котловину, откуда в виде реки Узбой, длиною в 775 километров, пересекая пустыню Кара-Кум, и доходили до Каспийского моря. Долина, русло, береговые очертания Узбоя довольно отчетливо видны и сейчас. Из изысканий экспедиции Глуховского следует, что перегораживая плотинами течение Аму-Дарьи, повертывая его снова на запад, можно заставить ее бежать по старому руслу, создать таким образом водный путь до Каспия и снова оживить, сделать обитаемыми те места, откуда, вследствие усыхания Узбоя, сбежал человек.

Однако, и у экспедиции Глуховского, предложившей эту идею, тоже есть предшественник, и на него недавно очень кстати указал туркмен Ш. Батыров. В начале 17 века к Петру I явился некий Хаджа Непес в качестве представителя туркменского населения тех местностей, где жизнь стала бедственной от отсутствия воды. Непес указывал, что их положение станет совсем иным, если Аму-Дарью направить в прежнее русло Узбоя, и он просил Петра I помочь им в этом деле. Указом **1716** года Петр приказал князю Бековичу-Черкасскому «ехать к хану Хивинскому послом, а путь иметь подле той реки (Аму-Дарьи), осмотреть прилежно течение оной, тако же и плотины и ежели возможно оную воду обратить в старый ток (Узбой)».

В сущности, нынешний проект Главного Туркменского канала инспирируется старыми мыслями — и Ходжи Непеса, и Петра, и экспедиции Глуховского. Но, конечно, обрамление всему дается в духе и стиле нового времени, обладающего иными техническими средствами. Аму-Дарью можно и не «повертывать», и ей совсем незачем заходить в Саракамышскую котловину, хотя она все же бросилась туда в 80-х годах, подняв на 8 метров воды там находящихся озер. Теперь у Тахин-Таша на Аму-Дарье строится гидроэлектростанция, и ее энергия будет переливать часть воды в строющийся канал. Из него, подгоняемая энергией еще двух ниже построенных гидроэлектростанций, вода уже потечет через Кара-Кум по старому руслу Узбоя, очищенному, углубленному, экипированному сетью ползущих во все стороны оросительных каналов.

***

Из нашей краткой справки о **«предшественниках»** следует, что как только мы отклеиваем с «плана преобразования природы» этикетку с именем Сталина, заграждающую возможность видеть суть хорошего дела, оно становится яснее. Россию можно назвать «Ересефесером», Петербург — Ленинградом, Царицын — Сталинградом, — все же это будет та же страна, т. е. с тем же климатом, с той же географией. Поэтому, выработанный ее учеными и специалистами (Сталин, повторяем, тут непричем) план строек и мероприятий, проектирующих климат и географию, является естественным продолжением мыслей, дум, пожеланий, предложений людей прежних поколений, живших при том же климате и в той же географии. Происходит перекличка мыслей мертвых и живых, происходит смычка тех, кто уже тогда выдвигали большие задачи, внушаемые климатом и географией, но не имели технической возможности их осуществлять, с теми, кто ныне располагает и этими возможностями, и более глубоким, широким, более научным пониманием прежних задач. Экклезиаст прав:

лей в месяц *). С тех пор уровень заработной платы во всяком случае не повышался, вероятно, несколько понизился. Но если даже принять, что заработная плата остается в 1952 году на уровне 1948 года, это означает повышение по сравнению с 1940 годом около 30 процентов. Это повышение в лучшем случае покрывает повышение уровня цен и сейчас, в 1952 году, советские рабочие и служащие в лучшем случае возвращаются к уровню реальной заработной платы 1940 года. Для того, чтобы отдать себе ясный отчет, что означает при этих ценах средний месячный заработок в 435-450 рублей, т. е. (при 48-часовой рабочей неделе) около 2 рублей 20 копеек в час, достаточно подсчитать, сколько минут или часов рабочий должен работать, чтобы купить килограмм хлеба, масла, растительного масла, мяса, сахара и т. д., и сопоставить эти данные с соответственными данными для любой европейской или американской страны (читатель может найти много данных, освещающих этот вопрос, в моих статьях в «Социалистическом Вестнике» за февраль 1950 и за март 1951 года). В свое время — в 1940 году — падение реальной заработной платы до этого уровня ощущалось широкими массами Советского Союза как тяжелое бедствие, почти как катастрофа. Сейчас повышение заработной платы до этого уровня ощущается, как долгожданное облегчение. И это не противоречие, это трагическое отражение нашей страшной действительности.

3.

Но верна ли эта характеристика советской действительности? Верно ли, что средний заработок рабочих и служащих в Советском Союзе достигает сейчас лишь уровня 5.200-5.400 рублей в год, а, может быть, даже ниже этого уровня? Т. е., что заработки рабочих и служащих не достигают даже того уровня, который был намечен 4-ым пятилетним планом для 1950 года (6.000 рублей)? Не ближе ли к действительности многочисленные американские и не-американские эксперты о России, которых никак не заподозришь в скрытых симпатиях к Сталину, но которые исчисляют значительно более высокие цифры для характеристики послевоенной динамики заработной платы в Советском Союзе?

В прошлом году я уже приводил в «Социалистическом Вестнике» данные, исчисленные профессором Гарри Шварцом: для 1948 года он принимает, что средний заработок рабочих и служащих достиг в Советском Союзе 7.400 рублей. Только почти на днях (3-го апреля) он привел для 1952 года даже более высокую цифру: от 600 до 700 рублей в месяц, т. е. от 7.200 до 8.400 рублей в год. При этом Гарри Шварц отмечает, что это та цифра, которую принимают американские правительственные эксперты. В «Бюллетене советского экономического развития», издаваемом Бирмингамским университетом, средняя заработная плата в Советском Союзе показана для 1948 года даже в 9.000 рублей, для 1949 и 1950 годов соответственно в 9.300 и 9.550 рублей. Та же тяга к высоким показателям во Франции, где Бюллетень Национального Совета французских фабрикантов и заводчиков исчислил, будто средний заработок рабочих и служащих достиг в Советском Союзе в 1949 году 7.900 рублей.

Все эти расчеты — если они вообще обосновываются — обосновываются главным образом данными, которые для изучения динамики заработной платы являются лишь **косвенными** данными: данными о бюджете, товарообороте, поступлениях от налога на оборот и пр. Во всех перечисленных выше подсчетах авторы их систематически игнорировали пусть скудные, но все же имеющиеся **прямые** данные о динамике и о политике заработной платы в послевоенные годы, данные, которые трудно согласовать с господствующей оптимистической оценкой советского развития, и на которых основывались мои, гораздо более пессимистические расчеты. Но в последнее время Н. М. Ясный, который все время решительно отстаивал и эти оптимистические расчеты, и эту методологию, попытался отстоять господствующую концепцию, исходя из прямых данных о заработках рабочих и служащих.

«С. Шварц, конечно, исправ, — пишет Ясный в вышедшей (на английском языке) в начале зимы книге «Советская система цен». — Он принимает для начала 1946 года даже более низкий уровень заработной платы, чем в 1940 году, несмотря на имеющиеся данные о значительном повышении ставок заработной платы для больших групп рабочих в годы войны»... — Сейчас я не могу касаться ограниченных масштабов повышения ставок заработной платы в годы войны, ограниченных особенно по охватывавшемуся им кругу рабочих и служащих. На общем уровне заработной платы эти прибавки отразились мало. Но для нашего спора это сейчас и не имеет значения. Ясный сам для начала 1945 года, т. е. уже после всех прибавок к заработной плате «в годы войны», принимает средний уровень заработной платы равным приблизительно 5.500 рублям в год. С этим можно согласиться. «К концу 1945 или к началу 1946 года этот уровень мог опуститься, скажем, до 5.000-5.250 рублей». Из этой цифры Ясный и исходит при своих дальнейших расчетах.

И здесь кроется его ошибка. За 1945 год нигде не было повышения ставок заработной платы. В статье моей в мартовском выпуске нашего журнала за прошлый год я подробно останавливался на формулированной ранней весной 1945 года официальной политике заработной платы: никаких «механических» прибавок, т. е. просто никаких прибавок к ставкам заработной платы; фактические заработки могут повышаться только в результате повышения производительности труда. Это были — в связи с близившимся окончанием войны — подготовительные решения к переходу от 10-часового к 8-часовому рабочему дню. Принятое Ясным — совершенно произвольно — гипотетическое понижение среднего годового уровня заработной платы с 5.500 рублей в начале 1945 года до 5.00-5.250 рублей в начале 1946 года и должно было отразить это сокращение рабочего времени с 10 до 8 часов.

Но мыслимо ли допустить, чтобы такое значительное сокращение рабочего времени — при неизменных ставках заработной платы — сопровождалось таким незначительным сокращением фактических заработков? Это было бы возможно лишь при громадном росте производительности труда. Но производительность труда непо-

*) По моим более ранним, сейчас исправленным расчетам, средний заработок рабочих и служащих достигал в 1948 г. 5.140 рублей.

средственно после окончания войны не только не возросла, но, напротив, резко упала. Это была естественная реакция на огромное напряжение в годы войны. Об этом я уже писал в «Социалистическом Вестнике». Для скептического читателя добавлю еще лишь несколько фактов. В отчете ЦУНХУ об экономических итогах 1946 года о производительности труда не упоминалось ни одним словом; это был плохой знак. Но в отчете за 1947 год сообщалось, что «производительность труда рабочих в промышленности возросла против 1946 года на 13 процентов», а из отчета за 1948 год мы узнали, что за год «производительность труда рабочих в промышленности возросла против 1947 года на 15 процентов (т. е. против 1946 года на 30%. — **С. Ш.**) и превысила довоенный уровень». Но если для того, чтобы превысить довоенный уровень, нужно было подняться над уровнем 1946 года на 30 процентов, значит, уровень производительности труда в 1946 году был очень низок, значительно ниже уровня 1940 года.

Но если ставки заработной платы оставались неизменными, а уровень производительности труда даже понизился, то это значит, что переход от 10-часового рабочего дня (с уплатой за два часа в полуторном размере, т. е. всего с уплатой за 11 часов) к 8-часовому рабочему дню должен был сопровождаться очень значительным сокращением заработков: не на 4,5-9 процентов, как выходит по расчетам Ясного, а процентов на 25-30, а то и больше. И если в начале 1945 года средний заработок достигал годового уровня в 5.500 рублей, то в начале 1946 года он, вероятно, опустился до 4.000 рублей или ниже.

В этом существо моего расхождения с «оптимистами». Этой разницей в оценке положения в начале 1946 года определяется и дальнейшая разница. И если для начала 1946 года Ясный принимает цифру, «завышенную» процентов на 30, приблизительно такая же разница сохраняется между приведенными выше расчетами и данными Ясного и для 1948 года. В названной выше книге он принимает для 1948 года средний заработок рабочих и служащих равным 7.056 рублям. Правда, в новейшей, только что вышедшей работе того же автора («Советские цены на предметы производства») Ясный исправляет эту последнюю цифру и принимает для 1948 года средний заработок в 6.775 рублей, для 1949-1951 годов соответственно в 7.000 р., 7.250 р. и 7.500 рублей, исходя из предположения, что несмотря на энергичную политику дефляции, уровень номинальной заработной платы продолжал и в последние годы расти. Но если так пишет Ясный, человек очень больших знаний и неуемного прилежания, чего же ждать от других экспертов?

Если приведенные выше оптимистические расчеты Г. Шварца, Н. Ясного и др. верны, не говоря уже о фантастических расчетах бирмингамского «Бюллетеня», средняя реальная заработная плата рабочих и служащих превысила сейчас в Советском Союзе не только уровень 1940 года, но, вероятно, и уровень 1938 года. К сожалению, до этого еще далеко. Чтобы окончательно убедиться в этом, стоит присмотреться к тем пусть дробным, но все же фактическим данным, которые иногда попадаются в специальной литературе. Но об этом в другой раз.

М. ЕРШОВ

О колорадском жучке

Задолго до того, как коммунисты начали вести свою клеветническую кампанию по поводу «бактериологической войны», которую союзники, будто бы, ведут в Корее, они одно время упорно обвиняли США в том, что они намеренно заражали колорадским жучком картофельные поля в Германии и Австрии.

Я ничего не знаю о «бактериологической войне» в Корее, но зато я живой свидетель того, что произошло в Германии и Австрии с колорадским жучком. Мало того, я был тот, который к этому делу имел непосредственное отношение. И вот как это было.

После победы над гитлеровской Германией советское командование в Германии, на основании указа советского правительства, в мае месяце 1945 г. производило демобилизацию некоторых старших возрастов рядового состава оккупационной армии Германии.

Каждый солдат, подлежащий демобилизации, был уверен, что на родине делается что-то страшное. Солдаты мечтали получить десятисуточный продовольственный паек (как было установлено правительством), т. н. дорожный паек. Самым ценным в пайке были картофель и овощи, которых выдавали по 1,2 кгр. в сутки, а на 10 дней 12 кгр.

Солдаты из сельских местностей решили, что лучшим подарком для семьи будет катофель. Картофель нужен был каждому для посадки в своем приусадебном огороде. Каждый знал, что если правительство раздобудет картофель для весеннего сева, то этот картофель будет распределен по колхозам, колхозник же останется без огорода, который является источником для пропитания его семьи. Кроме надежды на 12 кгр. картофели, некоторые позаботились и приобрели за счет проверки немецких буртов и подвалов нужное каждому количество картофеля. У каждого солдата можно было видеть мешок с 25-30 и больше кгр. картофеля.

За два дня до посадки солдат в специальные товарные вагоны, которые до Брест-Литовска сопровождались вооруженной охраной, генерал Тимченко, замест. командующего второй ударной армией, вызвал меня к себе для «инструктажа». Главным вопросом инструктажа был приказ командарма, генерал-полковника Федюнинского И. И.

Генерал Тимченко ознакомил меня с приказом Москвы, в котором говорилось, что ввиду полной зараженности картофеля на немецкой территории фитофторой, приказывается: при отправке войск по демобилизации или в краткосрочный отпуск из дорожного продовольственного пайка исключить картофель и заменить последний крупой, согласно таблице замены приказа № 312-313. Не допустить также в продпаек сушеного картофеля. При посадке людей в вагоны произвести тщательный обыск и при обнаружении картофеля у солдат отобрать. Повторный обыск произвести на станции Брест-Литовск перед выгрузкой людей из вагонов. Пре-

дупреждали, что при обнаружении хотя бы единственного случая перевоза картофеля демобилизованным, командующие армии, корпуса и дивизии будут отданы под суд военного трибунала по обвинению в заражении колхозных и совхозных полей фитофторой.

Генерал Тимченко потребовал от меня расписки на обороте приказа, что я приказ читал и предупрежден об ответственности. Я также не должен был никому говорить о таком приказе и об изъятии картофеля у солдат.

Я еще не успел отправить первой партии демобилизованных, как получил еще один приказ и не менее строгий. В этом приказе зам. командующего по тылу обязал меня в течение 10 дней отправить 500 тонн картофеля, как посадочный материал для братской Польши. Признаюсь, что я был в недоумении. Одним приказом запрещали вывозить 20-30 кгр. картофеля, боясь заразить приусадебный участок колхозника, а другим меня заставляли отгрузить 500 тонн картофеля, которых достаточно для посадки на 400-425 га, и которые могут заразить поля целого государства.

Я немедленно выехал к генералу Тимченко и спросил, как отгружать картофель, откуда брать его и когда будет подан транспорт, но не говорил о своем недоумении. Картофель надо изыскать хозяйственным способом, ответил генерал, а транспорт будет подан через 4-5 дней; мне только нужно подать заявки на вагоны и указать станции погрузки. (Хозяйственный способ означал: охватить все бурты, подвалы и закрома немцев и вывезти к железнодорожным станциям для отгрузки).

Рассказывать, как мы развернули хозяйственный способ, нет надобности; только скажу, что грабеж удался отлично, все немцы в трех районах, в которых расположились части моей дивизии, были ограблены. Пользуясь случаем, испытанные мародеры заглядывали и в сундуки, шкафы и карманы, обобрали все, насиловали женщин и детей на каждом шагу. Без особых «приключений» было убито всего около десяти человек немцев.

Об этой истории я почти забыл, если бы не следующее: осенью 1947 г. я был включен в состав армейской комиссии по проверке состояния заготовительного у немцев картофеля по частям и соединениям одной ударной армии, расположенной в восточной зоне Германии.

Наша комиссия, состоявшая из специалистов-агрономов, конечно, не без контроля политаппарата, установила, что заготовленный на зиму для армии картофель на 70-75% заражен колорадским жучком и что армия должна иметь огромный запас картофеля сверх ее потребности на год для питания войск, ввиду того, что зараженный картофель не в состоянии будет храниться в течение целой зимы, и что отход из-за болезни картофеля за зиму достигнет 50% общего количества заготовленного картофеля. Дополнительный запас картофеля нас не пугал, это было только несчастьем для немцев-крестьян, так как нам пришлось увеличить налоги по картофелю ровно в два раза.

И в этой части, я должен сказать, мы также справились с задачей отлично. У большевиков насчет изъятия опыт громадный. Мы даже не ходили по немцам, а объявили ландратам районов и округов, что они ответственны головой за изъятие и доставку картофеля воинским частям. Ландрат города Шенберг так перепугался, что в момент этой кампании покончил жизнь самоубийством, ибо он знал, что если он не ограбит всех немцев-крестьян, ему не удастся выполнить план поставки картофеля и будет уничтожен, как фашист-саботажник.

В начале апреля 1948 г. я был вызван зам. командующего армией ,от которого получил приказ отправить 300 тонн картофеля в Австрию для посева. Такие приказы, только по линии СВА — Советской Военной Администрации — получили военные комендаты и ландраты целого ряда районов Мекленбурга, в частности: Гадебушский район, Висмарский район, Парчимский и другие. Интересно, что представители, конечно военные, вперемешку с австрийскими представителями, при погрузке картофеля в вагоны не стеснялись открыто говорить, что такая-то партия картофеля слишком заражена, и этого картофеля нельзя будет посадить, а такая-то партия еще сносна — она хотя заразит почву, но зато можно ожидать всходов. Австрийцы, таким образом, знали, что их заражают, однако согласились, чтобы не остаться без посевного материала.

После окончания кампании по отгрузке картофеля в Австрию, я был вызван в штаб армии. После того как я доложил о своем приезде, интендант армии, полковник Кудрявцев, предложил мне пройти в его кабинет. Застав я в кабинете полковника Кудрявцева, начальника продотдела армии подполковника Михеева, начальника заготовительного отдела армии подполковника Бергельсона, агронома армии старшего лейтенанта Кадыка. Все мы сидели и ожидали зам. командующего армии по тылу, генерал-майора Бугрова. С генералом пришел представитель из Москвы в гражданской одежде.

Слово взял генерал-майор Бугров. Он сообщил, что с задачей отгрузки картофеля справились, и объявил благодарность начальнику заготовительного отдела подполковнику Бергельсону, агроному Кадыку и мне — благодарность приказом была записана в личное дело. Помимо этого, он меня премировал фотоаппаратом «Лейка» из военторга за наличные деньги в сумме 125 немецких рейхсмарок и полугармонью бесплатно.

Генерал-майор Бугров спросил меня, знает ли немецкое самоуправление моих районов, что картофель отгружался в Австрию; я ответил, что никто об этом не знает, ибо то, что делается в армии, фашисты не должны знать. Такой ответ понравился генералу, а московский представитель улыбнулся. Неосторожно я добавил, что немецкие железнодорожники, наверно, знают, но генерал меня прервал: «Об этом уж не вам беспокоиться». Агроном Кадык доложил, что там, где происходила отгрузка картофеля, ни один немец не знает, и мало кто знает из военнослужащих, ибо все делалось руками солдат.

Генерал еще раз предупредил, что всякий разговор, всякое разглагольствование об оказании помощи австрийскому крестьянину является опасным для болтунов. Если кто-либо из нас услышит от посторонних немцев или военнослужащих разговор об этом, немедленно сообщить соответствующим органам. Я не знаю, сообщил ли кто-либо соответствующим органам на напрокада капитана Абрамова, но знаю, что через несколько дней после операции капитан Абрамов был переведен из оккупационной армии во внутренние округа СССР. Кроме него были отправлены и другие продовольственные работники, принимавшие участие в картофельной авантюре.

Только в конце 1949 г. или в начале 1950 г. я узнал из печати, что советское правительство обвиняет американских «поджигателей войны» в том, что последние сбрасывали из самолетов колорадского жучка на поля стран «народной демократии» с целью заражения ряда государств.

Желаю поставить в известность мировую общественность, и общественность Америки в особенности, о том, что распространителем колорадского жучка являюсь я — бывший офицер советских оккупационных частей в Германии.

Е. ЮРЬЕВСКИЙ

Несколько слов о предшественниках

Две тенденции пронизывают сейчас жизнь СССР: тяготение к войне и тяготение к мирной жизни. С одной стороны — бешеная военная подготовка, накопление и громадное развитие вооружения, о чем можно частично судить по массовому снабжению Кореи и Китая усовершенствованным советским оружием. А с другой стороны — строительство гидроэлектростанций на Волге, Дону, Днепре, Аму-Дарье с целью направить полученную от них энергию на борьбу с пустыней, степью, засухой, с целью оросить и обводнить 28 миллионов гектаров и в итоге увеличить ресурсы страны в области зерновых культур, хлопка, сахарной свеклы, животноводства, овощей, фруктов.

Этот большой и «мирный» план называется в СССР — «сталинским планом великих строек», «великим преобразованием природы». Мы не подданные Сталина. Мы не обязаны, колени преклоняя, говорить, что творцом всего на нашей родине является тот, кого подсоветские люди должны величать «нашим учителем», «отцом народов», «любимым вождем», «гением человечества», «корифеем науки». Чтобы правильно подойти и оценить план «великих строек», нужно не заслонять его фигурой деспота.. Иначе, как говорит пословица, можно «вместе с водой из ванны выплеснуть и ребенка».

С плана великих строек нужно содрать насильственно напяленное на него имя Сталина. Тогда многое станет яснее. В том, что в плане ценно, Сталин абсолютно непричем. Он может придумать потогонную стахановщину, насильственную коллективизацию деревни, Катынь, концентрационные лагеря, «московские процессы», «ежовщину», Коминформ, свирепую коммунизацию Восточной Европы, войну в Корее и прочее в том же духе. В этом он, действительно, бесподобно велик. Но в его мозгу никогда не шевелился какой-нибудь положительный благостный замысел, даже крошечный намек на полезную творческую фантазию. Хорошее он крал у других и немедленно его искажал, согласно со своей природой и тупой идеологией, в него вгнездившейся.

***

План великих строек не произведение Сталина, а, в своей основе, **большой и почтенный труд** советских ученых, инженеров, специалистов. И если бы вместо кремлевских диктаторов страною сейчас управляло демократическое правительство, оно тоже, в другой обстановке, в другой политической атмосфере и другими методами, строило бы приблизительно те же станции на Волге, Дону, Днепре, Аму-Дарье, вело бы ту же борьбу с пустыней и засухой. План советских ученых и специалистов появляется как deus ex machina и как нечто специфически коммунистическое. Его истории предшествует долгая предистория поисков, дум, предложений русской исследовательской мысли. Например, к идее организации лесных полос, как одной из защит от засухи и суховея, равно как к идее искусственного орошения и «обводнения» пустынных районов, — уже давно подходила наша агрономическая наука. С термином обводнения, в котором иные напрасно усмотрели изобретение сталинцами «словечко», мы встречаемся еще в 1892 году, в постановлении правительства, создавшего при Лесном Департаменте экспедицию «по учету и испытанию различных способов обводнения и облесения степей юга России». Мысль о такой экспедиции и ее руководство принадлежали проф. В. В. Докучаеву, автору появившейся в 1883 г. книги «Русский чернозем». Его экспедиция работала на юге втечение 1892-97 г. г., и результаты ее изысканий и предложений были напечатаны в «Известиях министерства земледелия и государственных имуществ».

Специалисты, подготовлявшие материалы к опубликованному 24 октября 1948 года плану «полезащитных лесонасаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов для обеспечения высоких урожаев в степных районах СССР» прекрасно знали, что у них есть предшественники. И хотя Сталин, как Бобчинский у Гоголя, всем внушает, что это он сказал и здесь «первое слово», что это он «придумал» этот план, указанные специалисты в их объяснительной записке, мимоходом, но все-же твердо указали, что план основывается «на учении виднейших русских агрономов — В. В. Докучаева, П. А. Костычева, В. В. Вильямса».

Весьма любопытно, что сниранием с великих строек прилипшего ко всему имени Сталина занимаются и другие советские люди, даже с «партбилетом» в кармане. Так, вопреки канону, утверждающему, что идея оросительных каналов на Украине и в Крыму порождена все тем же гениальным Сталиным, бывш. начальник Днепростроя Андрианов в статье «Великая сталинская стройка на Украине» («Правда» 30/IX 1950 г.) вскользь замечает: «Передовые русские ученые еще в царское время выдвигали план орошения водами Днепра засушливых районов Украины». Подобного рода замечание бросает и Полянский, секретарь Крымского областного комитета ВКП (б). Орошение северного Крыма он, конечно, называет «звеном великого сталинского плана преобразования природы», но — ложка дегтя в сталинский мед! — «возможность использования (для орошения) днепровских вод в Крыму является предметом обсуждения» еще **«с 90-х годов XIX века»** («Социал. Земледелие», 23/XI 1950 г.).

Не приходится говорить, кто автор Волжско-Донского канала, этого «звена в системе сталинских строек». Мысль о соединении Волги с Доном имеет более чем двухсотлетнюю давность. О таком соединении помышлял Петр Великий, о нем говорили при Екатерине II, а потом неоднократно на протяжении всего 19 века. Жур-

«всему свое время, и время всякой вещи под небом».

Я только что сказал — Сталин непричем. Да, он непричем, если речь идет о хорошем. Он весьма «причем», когда встает вопрос об искажении хорошего плана. Сталинизм исковеркал умный и осторожный, созданный специалистами в 1927 г., первый пятилетний план. Он продолжает коверкать все самые лучшие предложения, проекты, начинания, ибо врывается в них варварской, деспотической, антигуманитарной стихией. Вот два маленьких примера, показывающих, какими методами сталинизм хочет «преобразовать природу».

На Дону при строительстве Цымлянской гидроэлектростанции нужно было произвести водолазную работу. Водолазам предстояло укладывать под водой так называемые «постели», попросту говоря — так ровно уложить на дне бешено несущегося потока огромные камни, чтобы они образовали ровные площадки, на которых прочно могли бы стать «ряжи». Такая работа чрезвычайно трудна. «Взбулгаченная бурным течением вода была совершенно непроницаемо мутна. Работать предстояло лежа, в абсолютной тьме. Стоило только оторвать от камней руку, как течение сразу заламывало ее назад. Двигать огромные камни приходилось одной рукой, так как другой рукой нужно было за что-нибудь держаться, иначе течение сейчас же отбросило бы назад».

По советским правилам, водолаз должен работать два часа. Это очень много, а сталинизму этого мало. Сталин приказал стройку на Дону окончить к 1 мая 1952 г. Кто посмеет ослушаться деспота? Для выполнения приказа «гения человечества» нужно изнурять людей стахановизмом и «социалистическим соревнованием». От водолазов потребовали **«перекрыть все нормы»,** т. е. работать под водою не два часа, а значительно больше. И несчастные люди эти нормы «перекрывали». И вот что было потом: «В неравной борьбе с разъяренной рекой водолазы уставали до того, что, поднявшись на поверхность, **неподвижно лежали на досках, не в силах сесть или встать».**

Где это мы прочитали? В «Правде» (№ 2, окт. 1951 года) в статье «Люди строек коммунизма». Орган Сталина своим сообщением хочет внушить, что именно так, т. е. до потери сил, и должны работать люди сталинской империи...

Другой пример. На строительстве магистрального канала все у того же Дона на протяжении десятков километров работали скреперы. Машины, следуя одна за другой по дну канала, срезали грунт слой за слоем, забирались по откосу на вал, оставляли там свою ношу, — до десяти кубометров — и вновь ныряли вниз. Такая работа была возможна только до наступления мороза. Как только мороз сковывал землю, скреперы уже не могли срезать грунт. А Сталин приказал кончить канал непременно к весне 1952 г., чтобы немедленно из этого канала оросить «сто тысяч гектаров под пшеницу, хлопок и рис». Что же делать? Чтобы скреперы могли действовать, нужно было не давать грунту замерзать. Как это сделать? «Отогревать грунт кострами? Разрыхлять с помощью взрывов? Но добытый таким способом грунт нельзя хорошо уложить в насыпь, которая должна быть плотной и однородной, да и кроме того и костры, и взрывные работы легли бы **бременем дополнительных расходов».** Так вот, чтобы не было «дополнительных расходов», от работающих на скреперах потребовали адского «дополнительного труда». Скреперисты должны были «не давать грунту промерзнуть». Для этого «машина шла за машиной бесконечным конвейером. День сменялся ночью, будни — праздниками, тихая морозная погода — холодными ветрами, а скреперы не останавливались. Смены соревновались между собою, и условие было одно: не позволить морозу сковать грунт в забоях». Скреперисты работали и «при десятиградусном, и даже при пятнадцатиградусном морозе». И заметьте — «на сто километров растянулся здесь непрерывный фронт ирригационного строительства, и на всем его протяжении **не было ни жилищ, ни воды»!..**

Где мы это прочитали? В статье «Пафос преобразования природы по стройкам коммунизма», помещенной в № 230 «Правды» за 1951 год. Как говорится, комментарии излишни.

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

В. АЛЕКСАНДРОВА

ЧЕРТЫ НОВОГО

Современники, поглощенные текущими событиями, редко имеют возможность осознать то новое, что на каком-то этапе начинает незримо управлять их поступками и реакциями. Это с особой отчетливостью проступает в послевоенной советской публицистике. За дымовой завесой обязательных цитат из Ленина-Сталина спотыкаются лбами подчас очень разные настроения. Вне зависимости от того, какие из них победят, важно за этими противоречиями увидеть живых людей, найти тот вопрос, который возбуждает споры.

Весной прошлого года «Литературная Газета» опубликовала несколько писем в редакцию о советском суде, адвокатуре и пр. Тема вызвала интерес, на нее стали откликаться публицисты и редколлегии «Литературной Газеты». Автором первого письма был председатель президиума Ленинградской областной коллегии адвокатов Владимиров. Есть одна профессия, — писал он, — «о которой мало говорят и о которой еще меньше пишут, — это профессия адвоката». Владимиров склонен объяснить это тем, что в житейской практике все еще имеет хождение старое представление об адвокате, как о «присяжном поверенном, который может, торгуя совестью, доказывать и защищать все, что угодно». В качестве иллюстрации он сослался на сценку, описанную Фадеевым в «Молодой Гвардии»: двое юношей (из которых один позднее стал героем краснодонской подпольной группы сопротивления немецким оккупантам), Ваня Земухов и Жора Арутюнянц, в потоке отступающей под натиском немцев толпы, обсуждают вопрос о своем будущем. Ване хочется стать юристом. Но Жора горячо отговаривает друга: «Глупо, например, быть защитником на нашем суде... — помнишь, на процессе

митет может немедленно приступить к работе, в частности, к созданию пленума СОНР"...

"Основной путь: **постепенное нарастание,** отбор действенных демократических сил, одновременно — показ себя на деле. Исходная **узость** инициативной группы **не должна пугать".**

Так пишут Американскому Комитету от имени НТС г. г. Байдалаков и Артемов. Из текста ясно, что НТС стремится вытеснить из СОНР-а Лигу и СБОНР. Очевидно также, что НТС считает себя вправе фактически говорить не только от своего имени, но и от имени своих партнеров по «тройке», «народников» и группы Мельгунова. Иначе Артемов и Байдалаков не могли бы обязаться создать Исп. Бюро в «несколько дней» *)

"Схема меньшевистских выступлений и писаний примерно такова: "хорошие люди лишь меньшевики и согласные с ними; правильные пути — пути, ими указываемые; все остальное плохо и неправильно".

В свете этого документа очень пикантно звучат слова г. А. в «Посеве» от 16-го марта, дающего следующую характеристику тактики меньшевиков в вопросе о СОНР-е:

Но разве г. г. Артемов и Байдалаков не развили в этом документе буквально тот же метод построения СОНР-а, который г. А. облыжно приписывает меньшевикам, и который он характеризует, как «наследственный горб» нашей партии? Оказывается, что и НТС не хочет всеобщего объединения эмиграции, а предпочитает составить лишь «основное ядро». В ядро же они готовы принять только «хороших людей», т. е. только себя и своих политических друзей. «Нехороших» они исключают, даже если те уже участвуют в общем коллективе.

Правильный путь только тот, который указывает НТС: сужение ядра рамками «гомогенных» и «действенных» групп (хотя чем «народники» или мельгуновцы более «действенны», чем СБОНР или Лига?). Другие пути не годятся, и т. д., по Артемову.

Готтентотская мораль не единственный метод политики НТС. Эти патентованные фанатики правды («Не в силе Бог, а в правде», красуется на «Посеве», как их девиз) чрезвычайно широко пользуются методом полуправды или умолчания. Вот г. А. сказал, что меморандум они послали только для «ускорения» образования Исп. Комитета, для чего нужна «гомогенность», — и на этом поставил точку. Верно, в меморандуме говорится и об ускорении. И все выглядит крайне невинно. А когда прочтете до конца и продумаете, то увидите, что все «не в шитье была тут сила»...

Вот на пользовании этим методом умолчания, которое реально превращает полу-правду в полкую неправду, построена вся тактика НТС в рекламировании «гигантской» подпольной работы и своих «революционных» достижений.

Это началось с первого появления г. Болдырева в США. Как известно, он в своем первом публичном выступлении, а потом и в американской печати заявил, что убийство Кирова было совершено по приговору НТС. Доказательство? Карикатура в «Правде» и несколько строк в какой-то заметке в «Правде», где убийство приписывается происках русских фашистов в Белграде. Высмеянный всей русской эмиграцией без различия направлений, г. Болдырев оправдывался тем, что ведь в «Правде» написано. Но любопытнее вовсе не это, а то, что, спустя почти два года, г. Артемов в «Посеве», признавая, что первый блин у Болдырева вышел комом, настаивает на том, что «факты» у г. Болдырева все же были переданы правилько. Что для г. Артемова является «фактами», т. е. правдой? Действительная роль НТС в убийстве Кирова, или появление заметки в «Правде»?

Возьмем второго представителя НТС, главного редактора «Посева», г. Романова. В интервью, который он дал в июле 1950 года представителю большой американской газеты «Кристшен Сайенс Монитор» в Германии, г. Романов сообщает, между прочим, что у НТС в России «несколько тысяч членов», в том числе большие группы в Москве, Ленинграде и других больших городах. Рассказывает он развесившему уши американцу чудеса в решете о разветвленной деятельности членов НТС в России. При этом он прибавляет, что, для обеспечения подпольной организации от провалов, Центр НТС заграницей запрещает своим членам в России сноситься между собой или даже знать друг о друге. Это — новый тип организации, сообщает Романов, — и с ним-де НКВД не может справиться.

Ту же басню о новом типе «атомизированной» организации, в которой нет групп и органов, и где члены ее ведут «революционную» деятельность индивидуально, подтверждает, конечно, все тот же г. Болдырев в журнале Американской Федерации Труда («Федерейшонист»), за май 1951 года.

Абсурдность этого утверждения ясна для каждого, кто имеет хотя бы отдаленное представление о нынешнем режиме в Советской России. Если «деятельность» членов НТС в подпольной организации состоит только в том, что каждый из них в удобный момент рисует на заборе мелом вилы или буквы НТС, то такую постоянную директиву люди могут выполнять и без организации. Но чего такая «революция» стоит? Однако, г. Болдырев заявляет (на стр. 15), что **«каждую неделю** агенты НТС за железной завесой распространяют **тысячи** антисталинских листовок **среди русских рабочих, крестьян** и членов Красной Армии»... Каким образом «атомизированные» члены подполья могут выполнять подобного рода гигантское задание, да еще каждую неделю? И какой метод сношения могут эти «тысячи» членов иметь со своим заграничным центром, от которого ведь они должны получать огромное количество литературы? Если тысячи членов будут писать хотя бы по одному письму каждые несколько месяцев, это даст поток в несколько тысяч писем в год, проходящих через советскую цензуру. Помимо этого, ведь должно получиться и большое количество писем, идущих от заграничного Центра в Россию. Достаточно это написать, чтобы понять чудовищные размеры НТС-овского блефа.

---

*) С. П. Мельгунов в личном письме пишет мне, что ему об этом плане НТС ничего не было известно. Охотно верим ему. Но это только значит, что НТС был так уверен в согласии С. П., что даже не счел нужным его держать в курсе своих переговоров с Амер. Комитетом. Но, делая эту поправку о С. П. Мельгунове, я не могу сделать такой же оговорки о народниках: их представитель в Мюнхене имел об этом разговор с г. Поремским из НТС еще 23-го ноября.

этих сволочей-вредителей...» Ваня соглашается только наполовину: защитником быть «не интересно», но следователем? Оба сходятся на том, что всего «интереснее» быть обвинителем: «Лучше всего — обвинителем, — сказал Жора. — Помнишь, Вышинский? Здорово!»

Трудно найти более поразительный пример низкого уровня правовой культуры в среде молодого советского общества, выросшего в тени московских процессов второй половины тридцатых годов, чем этот разговор. Но советские критики даже не почувствовали жуткой «морали» этого эпизода и с умилением цитировали его, как образчик «жизнеутверждающего» миросозерцания «нашей молодежи». И только через шесть лет после появления «Молодой Гвардии» нашелся человек, решившийся осторожно отгородиться от этого цинизма и приведший описанный Фадеевым эпизод в качестве примера «недооценки роли и задач советской адвокатуры».

Как это часто практикуется в советской действительности, Владимиров ограничился постановкой проблемы. Но в процессе ее обсуждения стали вылезать на свет Божий всякие «несовершенства нашей жизни». Коллегии адвокатов в ряде мест работают неудовлетворительно. Происходит это потому, что туда допускаются лица, ранее не оправдавшие доверия в качестве судейских работников, и даже такие, которые сами совершали «аморальные поступки». Автор другого письма рассказал и о том, что в коллегии адвокатов допускаются лица без юридического образования. Но главная беда заключается, повидимому, в том, что в советской практике до сих пор не решен вопрос об основных задачах адвоката. Некоторые работники судебного ведомства склоняются к тому, что советский адвокат, как и адвокаты в других странах, должен в первую голову иметь в виду интересы своих подзащитных. Против этого толкования роли адвоката энергично выступил заместитель министра юстиции СССР П. Кудрявцев, негодуя по поводу «кое-где бытующих рассуждений о зависимости адвоката от подзащитного, о профессиональной тайне адвоката, о его праве любыми средствами защищать безнадежное и неправое дело».

Появление в журнале «Знамя» (май 1951 г.) повести Л. Карелина «Младший советник юстиции» и обширного очерка В. Шалагинова «Судья» в «Новом Мире» (октябрь-ноябрь 1951 г.) еще больше разогрели начавшуюся дискуссию. Несмотря на ряд неудач молодого автора, повесть Карелина была встречена критикой с большим сочувствием, как «первое произведение о советском прокуроре». С большим основанием можно было бы приветствовать автора за первую попытку в образе Струнникова реабилитировать адвоката старой дореволюционной школы. Выступив на суде в качестве защитника шофера Лукина, обвинявшегося в избиении своей жены, Струнников заговорил «в смешной манере старых провинциальных адвокатов». Несмотря на это, «что-то во всем облике старого адвоката и даже не столько в облике, сколько в страстности, с которой он говорил», решительно расположило к нему молодого прокурора Трофимова, главного героя повести, и он так формулировал свое впечатление: «По форме старомодно, по существу верно». Но Струнников исповедует именно то, против чего ополчался в своей статье заместитель министра юстиции СССР: для Струнникова, как он задуман писателем, интересы обвиняемого, которого он защищает, стоят на первом месте. Стоит отметить и другую особенность: реабилитация Струнникова — дело рук прокурора Трофимова. В прошлом Трофимов — заурядный следователь. Во время войны он потерял жену и ребенка, пошел на фронт, а после окончания войны потянуло его к учебе; он окончил юридический факультет, и послан сейчас прокурором в районный центр. Пережитое на войне оставило в душе Трофимова глубокие следы: вместе с ненавистью к врагам, он часто ловит себя на том, что любит своих «соотечественников — рядовых советских людей». Не вина Трофимова, а его беда, что в роли прокурора и члена компартии ему не удается убедительно показать читателям это свое «новое отношение» к своим современникам.

Как ни стараются официальные публицисты и юристы внушить читателям, что задача советского адвоката, в отличие от буржуазного, сводится к тому, что он должен быть «помощником суда, а не разрушителем правосудия», даже в среде юристов более молодой формации нет-нет да и затеплится прежняя гуманистическая традиция. И в этом смысле отношение Трофимова к Струнникову очень показательно: В советских условиях, однако, этот гуманистический подход редко выступает наружу; чаще всего его можно только почувствовать в случайно брошенном замечании, вроде того, которое приведено у Шалагинова: «Когда я выношу оправдательный приговор, — пишет один судья, — у меня хорошо на сердце». Еще чаще прежняя гуманистическая установка по отношению к обвиняемым сказывается в довольно распространенной практике откладывания дела в целях привлечения новых свидетелей. Судебные работники из верноподанных сталинцев такие настроения склонны разоблачать, как «антигосударственные». Резкость, с какой они борются против этих настроений, только подчеркивает, что речь идет о довольно распространенном явлении. В упомянутом выше очерке Шалагинова, судья Елизарьев — главный герой очерка — и сам автор нечаянно подслушали разговор двух адвокатов: один — более пожилой — защищал старую точку зрения о том, что для адвоката интерес его подзащитного стоит на первом месте. Шалагинов «перестраховки ради» явно исказил точку зрения старого адвоката, вложив ему в уста циническое утверждение, что он оттого с такой настойчивостью защищает своего подзащитного, что он на время «продал ему свой талант и свою эрудицию». Но эта передержка видна и невооруженным глазом, так как наряду с таким явно выдуманным аргументом, Шалагинов оставил многое из того, что действительно мог сказать старый адвокат: «Прежде всего я — защитник, — объяснял он свою точку зрения молодому собеседнику, — с доверчивостью ребенка обвиняемый открылся мне в своей исповеди, вручил мне себя, свою судьбу...» Допустим, суд собрал против подзащитного много улик, но в их цепи нет одной — «нет признания виновного». Защитник обязан этим воспользоваться: «Пока я на трибуне защиты, с нее не будет сказано слов обвинения...» Молодому собеседнику «крыть» было нечем и поэтому он ограничился одним угрожающим замечанием: «То, что говорили вы, противно совести советского человека». После этого

им не осталось ничего другого, как разойтись в разные стороны.

Спор о том, кого и как надо защищать, вновь выплыл на поверхность в конце минувшего года во время кампании по выборам по всему Советскому Союзу народных судей и народных заседателей. На некоторых ее моментах стоит остановиться. В недавнем прошлом во время таких кампаний пропагандисты на собраниях и публицисты в печати любили распространяться о кровной связи советского суда с ГПУ. Кстати, именно эта близость судебных органов с органами ГПУ, а позже с МВД, и является главной причиной непопулярности советского суда и того непреодолимого страха, который он внушает не только рядовым советским гражданам, но даже советским «Счастливцевым». В течение многих лет во время таких кампаний упоминалось в качестве недосягаемого идеала «революционной совести» имя Дзержинского. В нынешней кампании в ход были пущены иные лозунги. Очень часто сказывалась основная установка — представить суд, как орган, совершенно ни от кого не зависимый, а судью изобразить как «слугу народа». В виде иллюстрации на собраниях и в печати появились умилительные биографии кандидатов в судьи; все они, как на подбор, оказывались людьми «скромными, справедливыми, культурными, образованными, знающими законы и умеющими их применять». К этому перечню добродетелей советских судей очень часто добавлялась еще одна подробность: большинство кандидатов пришло с фронта, где они защищали «свободу и независимость родины».

Только одна задача советского правосудия оставалась незыблемой в этой хитроумной пропаганде: являясь «одним из важных органов советского государства», советский суд должен укреплять это государство...

ГЕОРГИЙ АЛЕКСАНДРОВ

ТЕНЬ ГРЯДУЩЕГО ДИКТАТОРА

Исторические судьбы России неисповедимы. Немецкий писатель Шубарт в своей книге «Европа и душа Востока», вышедшей незадолго до второй мировой войны, приходит к заключению, что славянству вообще, и русскому народу в частности, принадлежит великая историческая миссия: пройдя через очищающий огонь революции и искупительные жертвы и страдания, осуществить на земле установление нового Иоаннического Эона.

Иоаннический человек, полный гармонии и совершенства, придет с Востока и заменит собою мятежного и беспокойного, полного бесплодных дерзаний и исканий Прометеевского человека Запада.

Для тех из наших современников, кто не пытался заглядывать в отдаленное будущее и не собирался мыслить в эонических масштабах, будет лучше ограничиться попыткой заглянуть в ближайшее будущее, измеряемое пределами жизни хотя бы нашего поколения. Заглянуть и посмотреть, что может случиться с Россией и русским народом на другой день после его освобождения от самой жестокой тирании в его истории.

Российская государственность, начиная с Петра, сложилась и росла на западно-европейских дрожжах. В еще большей степени это относится к русской культуре. Лейбниц составил проект учреждения Российской Академии Наук; Царь-плотник учился и работал в Голландии, Англии и Германии; Ломоносов был немецким студентом во Фрейбурге и Марбурге.

Творчество Третьяковского и Державина немыслимо представить без образцов французской литературы 18-го века: Вольтер и «энциклопедисты» были в России так же дома, как у себя во Франции. Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Тургенева невозможно изъять из Европы, их нельзя и оценить без Шекспира, Шиллера, Гете, Байрона, Бальзака и Гюго.

За двести лет своего более или менее свободного общения с западно-европейской культурой и цивилизацией, русский народ во многом догнал, а в кое-каких отношениях и перегнал своих просвещенных учителей и наставников.

Самое страшное, что могло случиться в русской истории и, действительно, случилось в наше время, это — изоляция русского народа и России, разрыв его культурных связей и общения с западным миром. За последние три десятилетия этой изоляции русский народ оказался отброшенным на столетие назад в азиатские степи. На сегодняшний день еще совершенно невозможно оценить все последствия этой изоляции в ее влиянии на душу народа, на его мораль, на его мировоззрение, на его будущую историю. Но с некоторой степенью вероятности предвидеть эти последствия можно и нужно.

Когда Рабиндранат Тагор приехал в 1926 году в советскую Москву, он прежде всего и больше всего интересовался организацией народного воспитания и образования. Чему учат и как учат подрастающее советское поколение? За 25 лет, прошедших с того времени, это поколение выросло, Его научили не верить ничему, что не носит советской марки, и ненавидеть все, что не имеет следов советского происхождения.

Это поколение выросло с завязанными глазами и залепленными ушами. Оно не знает ничего за пределами железного занавеса и оно стоит по ту сторону добра и зла, в обычном понимании западной цивилизации. Но самое страшное это то, что рефлекс безусловного послушания, привитый непрерывным страхом, стал второй натурой советского активиста. Активист, это — существо с изуродованной в результате жестоких социологических экспериментов психикой. Но он же же не «робот». Он только выработал в себе — в борьбе за самосохранение — изумительную приспособляемость к жизни в социальных джунглях, умение ловчиться, как никто из вида **homo sapiens** и любой ценой обеспечивать свое существование и возможное преуспеяние.

Чрезвычайно интересно было бы заранее установить тип реакции **homo sovieticus** на его освобождение из клетки сталинского зверинца.

Этой проблемой уже теперь усиленно и прилежно занимается ряд высокоавторитетных научно-исследо-

вательских учреждений по эту сторону железного занавеса.

Бывший советский врач, менее просвещенный в области антропологии и социологии, чем иностранный ученый, но зато более знакомый с психологией советского человека, на основании своей долголетней практики в СССР, считал бы более правильным подойти к изучению этой проблемы с психо-патологической точки зрения.

Патологической, вынуждены мы подчеркнуть, ибо среду и условия, в которых сложилась психика подсоветского человека, никак нельзя признать нормальной.

Будущая коллективная реакция подсоветской массы, принимая во внимание повышенную эмоциональность русской души и ее склонность к крайностям, ее преувеличенную чувствительность даже к слабым стимулам будет неизбежно разрушительной. Десятилетиями подавляемые нормальные инстинкты, превратившиеся (сублимированные, на научном языке) в громадное количество скрытой психической энергии, найдут себе выход в самых бурных формах.

С другой стороны прочно привитые навыки страха и повиновения явятся, вероятно, на продолжительное время фактором, тормозящим эту бурную реакцию.

Таким образом, подсоветский человек в условиях полной или даже относительной свободы действий уподобится ребенку, беспомощному и лишенному всякого опыта в чуждой для него обстановке. В этих условиях народ может стать жертвой новой группы политических проходимцев, которые попытаются использовать эту массу, играя на самых примитивных инстинктах, чтобы потом снова загнать освободившийся народ в клетку новой тоталитарной деспотии.

Как это ни грустно и ни печально, но мы должны помнить, что народы России были на всем протяжении своей истории лишены опыта демократической системы управления. Все три государственные формации, сложившиеся на территории России до сего времени, — до-Петровская, Московско-Азиатская Русь, Петербургская, самодержавная Россия и сталинское, азиатское ханство, называемое СССР, — являются разновидностями деспотизма.

Как бы это ни было тяжело слышать русским национал-патриотам, приходится, однако, вслед за многими весьма просвещенными исследователями русской истории признать, что пребывание в многовековом рабстве различного типа мало способствовало развитию в русском народе умения добиться свободы и ею пользоваться.

Весьма возможно, что в результате такого отрицательного опыта русский народ не изжил в себе присущего всем хронически порабощенным народам фатализма и склонности подчиняться своей исторической судьбе и готовности мириться с господством над собой сильного меньшинства, если такое выдвинется, как претендент на наследство сталинской клики.

Эту возможность необходимо заранее учесть и предвидеть. И прежде всего нужно понять, что формирование такого меньшинства должно будет проходить под лозунгом крайнего великодержавного национализма и ультра-патриотизма. Оно будет построено либо на идее панславизма, который имеет уже исторические прецеденты в истории русской общественной мысли, либо на какой-либо другой, по существу тоталитарной и шовинистической теории, вроде нынешнего «солидаризма».

Кто возглавит это меньшинство и на кого оно будет опираться в качестве активной силы? Его социальной опорой будет «элита», бывшие активисты сталинизма, люди, которые, благодаря исключительному развитию таланта приспособляемости и «гибкости», пробрались на видные посты в аппарате и там «устроились», — люди без следа принципов и убеждений, религией которых является самосохранение и карьера. Такая социальная среда автоматически, или, как любил выражаться Ленин, «химически» выделяет из себя «вождей». Таким вождем будет не старый эмигрант, даже из очень ловких, а «свой» бывший сталинский активист из самых высших, — крупный администратор или военный человек, — например, какой-либо популярный маршал из молодых, но не из архаической и тупой школы Буденного-Ворошилова. Это будет искусный интриган, прошедший школу сталинского коварства у самого «хозяина», человек без жалости, сентиментов и эмоций, с «косматым сердцем» и холодным умом. Почему-то он рисуется мне в образе широкоплечего маршала, со множеством орденов на груди, с широкоскулым лицом, непроницаемыми глазами. Тень этого маршала может стать опасной для свободы России.

ГЕРОИ ПОЛУ-ПРАВДЫ

Р. АБРАМОВИЧ

В своей статье в январско-февральском номере «Соц. Вестника» я упомянул о меморандуме, который был 27 ноября 1951 г. подан в Американский Комитет вождями НТС, и в котором последние требовали исключения из СОНР-а Лиги и нынешнего руководства СБОНР-а и передачи всего дела в руки НТС и его союзников.

В своей исключительно-наглой заметке в «Зарубежном приложении» к «Посеву» от 16-го марта, г. А. проходит скороговоркой мимо этого меморандума, утверждая, что целью его было только «ускорить образование Исп. Ком. СОНР, для чего нужна была «гомогенность». «Вот и все».

Нет, не все. Пусть читатель судит сам. Вот центральные части упомянутого меморандума (жирный шрифт мой. **Р. А.**).

"СОНР должен быть не **всеобщим объединением эмиграции...**, а действенным органом анти-коммунистической борьбы. Построение его будет обеспечено **только в опоре на действующие организации**".

НТС считает реальным построение **действенного** антибольшевистского центра российской эмиграции... Создается **инициативное ядро** из **трех** российских политических организаций. — Лига и нынешнее руководство СБОНРА-а должны быть **исключены.** Это инициативное ядро может немедленно, **в течение нескольких дней** создать Временный Исполнительный Комитет СОНР-а... Временный Исполнительный Ко-

знает, каков был бы результат такого выступления, но я думаю теперь, что это следовало бы сделать. Блюм этого сделать не мог уже потому, что он считал, что нельзя говорить о возможности войны, так как уже разговор о войне увеличивает ее возможность. Но раз такого выступления с целью переломить общественное мнение не было, политика невмешательства была, вероятно, неизбежной, так как она соответствовала преобладавшему тогда во Франции желанию оставаться в стороне от международных осложнений.

Наиболее существенной отрицательной стороной этой политики было то, что она продолжала линию ослабления политического влияния Франции в Европе, усиления недоверия к готовности Франции активно противодействовать завоевательной политике Гитлера. И показания Блюма, все содержание которых нами далеко не исчерпано, заставляют считать именно 1936 год тем роковым годом, когда была предрешена и самая война, и исход ее первой фазы.

Д. БЛИТ

ПОБЕДА РАБОЧЕЙ ПАРТИИ НА ГОРОДСКИХ ВЫБОРАХ

(ПИСЬМО ИЗ ЛОНДОНА)

В начале апреля и мая во всей Великобритании, включая Уэльс и Шотландию, происходят выборы в органы муниципального самоуправления в городах и так называемых «графствах». Выборы эти происходят в разные будничные дни, только не по субботам и воскресеньям. Первые по времени были, как всегда, выборы в «Совет Лондонского графства», как здесь традиционно называется городское самоуправление Лондона. Лондон с его 8-миллионным населением голосовал 3-го апреля.

За последние 25 лет выборы в муниципальные советы перестали быть чисто-местным делом, определяемым локальными соотношениями и проблемами: их исход все больше превращается в барометр обще-политических настроений в стране. Особенно важными в этом смысле являются, естественно, выборы в Лондоне, этом гигантском центре всей политической жизни страны, — столицы не только Великобритании, но и мировой империи, Британского Содружества Народов, с населением в 600 миллионов человек всевозможных рас, культур и религий.

Неудивительно поэтому, что взоры всего мира были 3-го апреля направлены на Лондон. Какие заключения можно будет вывести на основании исхода этих выборов для понимания тех внутренних процессов, сдвигов и перемен, которые произошли в толще английского народа за полгода, истекшие со времени парламентских выборов, приведших в октябре прошлого года к приходу консерваторов к власти?

Однако, несмотря на всю симптоматическую важность этих выборов, в Лондоне в день 3-го апреля незаметно было ни особого оживления, ни скрытого напряжения. Город был, как всегда, и жил своей будничной жизнью. Но это спокойствие не было равнодушием: процент избирателей, пришедших к урнам, был нормальный. И на следующее утро все лондонские газеты, от самых левых до самых правых, без исключения, вышли с одним и тем же заголовком: «Большая победа Рабочей партии».

Победа эта оказалась на второй день еще более значительной, чем казалось вначале, ибо окончательный подсчет голосов как в Лондоне, так и в «графствах» дал картину полного поражения консерваторов, либералов и коммунистов.

В 1955 г. Рабочая партия впервые в истории Лондона завоевала большинство голосов на выборах в муниципальный совет. Героем этого исторического события был тогда депутат Герберт Моррисон, городской голова пригорода Хакни, который в течение ряда лет подготовлял завоевание Лондона Рабочей партией. С того момента Моррисон выдвинулся в первые ряды наиболее влиятельных вождей партии.

Начиная с 1935 г. Рабочая партия без перерыва стояла во главе лондонского городского «правительства», как здесь принято говорить. И когда в Вестминстерском дворце господствует консервативное правительство, то насупротив, в здании городского Совета неизменно заседает «тень» этого правительства в лице социалистического городского Совета.

Три года тому назад, в 1949 г., когда рабочему правительству пришлось принять целый ряд непопулярных мер, дело чуть не дошло до возвращения консерваторов в городской Совет. Рабочая партия на тех выборах получила только 65 городских советников, в то время, как консерваторы получили 63. Кроме того, в Совет оказался избранным один либерал, сэр Перси Харрис. Таким образом, большинство Рабочей партии оказалось сведенным к одному голосу.

На сей раз Рабочая партия вместо 65 мандатов получила 92, что дало ей абсолютное большинство в 37 голосов (либералам пришлось отдать свой единственный мандат Рабочей партии).

Все газеты, от левых до правых, единогласно признают, что этот результат выборов, который усиливается аналогичными, хотя и не столь резкими, сдвигом влево в ряде других «графств», имеет большое показательное и морально-политическое значение. Многие органы указывают на то, что этот результат выборов свидетельствует не столько о критическом отношении избирателей к работе их местных органов самоуправления сколько об их отрицательном отношении к господствующей сейчас консервативной партии и ее правительству.

Правительство это пришло к власти всего лишь полгода тому назад. Правда, даже и в момент победы консерваторов побежденная Лейбор партия все же получила на четверть миллиона голосов **больше,** чем победители. Но особенности английской избирательной системы дали партии меньшинства избирателей большинство мандатов в парламенте. С тех пор, однако, многие английские избиратели успели убедиться в том, что, стремясь привлечь к себе симпатии и голоса, консерваторы надавали обещаний, которых они не могут, а, может быть, и не собирались выполнить. Многие консерваторам до сих пор все еще кажется, что английский избиратель остался тем же, каким его сто лет тому назад описывал Чарльз Диккенс в своих знаменитых «Записках Пикникского клуба»: «Можно избирателям обещать

Если г. Болдырев пишет о **тысячах** листовок каждую неделю, то г. Романов утверждает, что за 1949 год они **распространили** «за железным занавесом» три миллио- на листовок и прокламаций. Г. Болдырев все в том же «Федерейшонисте» прибавляет некоторые технические детали о методах этого сказочного распространения. Одно время, — повествует он, — они пользовались одним чрезвычайно простым методом почти целый год, и дураки из НКВД об этом не знали. А именно, они заворачивали тюки литературы в непромокаемую материю и пускали их на особых ловучих приспособлениях вниз по Дунаю. Этим простым способом они снабжали восемь стран своей антисоветской литературой.

Другой, гораздо более эффектный способ состоит, будто-бы, в том, что листки пускаются вверх при помощи ракеты, ракета эта разрывается в воздухе с оглушительным шумом, как раз над выстроившимися на советском учебном поле советскими солдатами и осыпает их тысячами антисталинских листков. Третий метод, наконец, заключается в том, что прокламации пускаются на воздушных шарах, которые ветрами заносятся на восток и которые разрываются над Россией в определенных местах, засевая города и села революционной литературой.

Не будем говорить о полной фантастичности дунайского метода: совсем не трудно опустить в Баварии в «голубые воды» Дуная пакеты с литературой, — дунайские волны покорно понесут их вниз по течению. Но сколько пакетов застрянет на извилинах этой реки, а главное, каким образом вездесущие «агенты НТС» будут эти пакеты перехватывать и вылавливать из воды в коммунистических странах, не зная ни дня, ни времени прибытия, — остается секретом находчивого г. Болдырева. Для этого, ведь, нужно было бы, чтобы эти «агенты» день и ночь с прожекторами патрулировали широкую реку, — на глазах у речной полиции НКВД.

Я оставляю в стороне и анекдот о ракетах, и даже гораздо более реальную вещь — воздушные шары. Те шары, о которых надо говорить серьезно, ничего общего не имеют с теми детскими шариками, которые изображены в американских журналах по данным НТС. Кроме того, шары могут иметь реальное значение тогда, когда их будут пускать тысячами, и количество листков придется исчислять в миллиардах, а не в миллионах. А это музыка будущего.

Сейчас мы говорим о том, что НТС делает и чего он делать не может, хотя и заявляет, что делает. И мы констатируем, что во всех своих реляциях он прибегает к методу полу-правды, прибегая к двойному трюку. Во-первых, он сознательно злоупотребляет термином «по ту сторону железного занавеса», никогда точно не указывая, идет ли речь о восточной зоне Германии, западных секторах Берлина, о Польше, или об СССР. Утверждение начинается обычно с заявления, что посылаются листки «на Восток» или «на ту сторону», на деле — в Восточную Германию, а кончается заявлением, что листки эти распространяются среди **русских** рабочих и крестьян (см. Болдырева в «Федерейшонисте»).

Второй трюк заключается в том, что свою «миллионерскую» статистику они дают в туманных терминах, примерно так: «отправлено на ту сторону столько-то миллионов, разными путями и передачей из рук в руки». Но они никогда не уточняют, сколько передано действительно, а сколько просто «послано» (например, пущено по течению Дуная). На самом деле, вероятнее всего, НТС количество «посланного» тоже сильно преувеличивает, но даже если взять настоящее число, то действительно **доставленное** измеряется ничтожным процентом отправленного.

Вот красноречивый пример метода НТС. В «Посеве» от 16-го сентября г. Артемов выступил на защиту оклеветанных нами Романова и Болдырева: «Я утверждаю, совершенно естественно (?), что за одну лишь только акцию на берлинском «фестивале молодежи» этим летом наша организация распространила свыше миллиона листовок и воззваний. Три миллиона, это всего каких-нибудь 30 обрезков при среднем тираже в 100 тысяч. Разве это много на четвертьмиллионную оккупационную армию, не говоря уже о тыле?» Приведя этот неоспоримый расчет, г. Артемов смотрит на нас детски-невинными глазами. Но этот «младенец» из тех, что «подметки на ходу срезают». Разве кто-нибудь оспаривал эти фантастические цифры, потому что жалел бедных солдат, что им слишком много листков приходится читать?

Конечно, на берлинском фестивале можно было рассыпать и раздать и больше миллиона листовок — в **западном** секторе Берлина. Бесконечно труднее и опаснее распространять не только миллионы, но даже сотни листков, дальше, на Восток. Это делается через **германские** организации и германских людей, которых, конечно, для рекламы можно назвать «агентами НТС», но эти немецкие агенты распространяют не только издания НТС, но и всякие другие русские эмигрантские издания, в том числе и наш журнал.

Но для НТС немыслимо признать правду, а именно, что он энергично старается проникнуть за «железный занавес», но, как и все остальные группы, в состоянии достигнуть только микроскопических результатов. Для этого у солидаристов с их «родимыми пятнами фашизма», — по выражению С. Шварца в его статьях в нашем журнале, — нехватает мужества. И потому он выжится изо всех сил, изображая из себя «серьезную революционную силу» в самой России, — с многотысячной организацией, с «Революционным штабом» в Лимбурге или Франкфурте, с «агентами» и т. п. Такая группа, при абсолютной невозможности массовой подпольной работы в СССР, автоматически становится «математической точкой» для приложения нового «Треста». Ведь и Шульгин довольно умный человек был, а как попался! Ведь и в среде белой эмиграции были серьезные люди, а как попались!

Мои предупреждения на этот счет и наши разоблачения блефа НТС вызвали против нас бешеную ярость, и г. Артемов, повидимому специально отряженный для уничтожения меньшевиков, делает все, что может, чтобы нас «морально убить», или, по меньшей мере, грубой бранью нас отпугнуть от дальнейшей критики НТС и разоблачения его блефа. Он ошибается. Вместе со многими иными, как Г. Александров, мы считаем, что за НТС маячит мрачная и бессовестная тень новой диктатуры.

Ю. ДЕНИКЕ

Леон Блюм о 1936 годе

(СТАТЬЯ ВТОРАЯ)

Хотя Леон Блюм этого прямо не формулировал, но из его показаний очень отчетливо вытекает, что дело мира было окончательно проиграно в 1936 году. Именно в этом году соотношение сил в Европе резко изменилось в пользу гитлеровской Германии.

Вспомним важнейшие события этого года. В марте германские войска вошли в демилитаризованную Рейнскую «область. Это было, по словам Блюма, таким грубым нарушением Версальского и Локарнского договоров, что Гитлер не мог бы считать вооруженную акцию против Германии актом агрессии. Теперь очевидно, что в случае такой акции немецкие войска были бы немедленно отозваны. Но никакого реального отпора со стороны союзников, то-есть Франции и Англии, не было. В мае Муссолини победоносно закончил свою войну против Эфиопии. Лига Наций фактически капитулировала, остановившись на полпути в проведении санкций против Италии. В июле вспыхнула гражданская война в Испании. В августе в Советском Союзе началась Великая чистка.

МУССОЛИНИ И ГИТЛЕР

Торжество Муссолини было предрешено за несколько месяцев до окончания войны в Эфиопии. То, что Лига Наций в 1935 г. приняла единогласно решение не только осудить Италию, как агрессора, но и применить против нее «санкции» (карательные мероприятия), было, по выражению Блюма, «почти что чудом». Но «чудо» длилось недолго, — и в этом повинны главным образом Франция и Англия. Блюм кратко, но очень ясно показал последствия политики этих стран. Своим решением применить к Италии санкции Лига Наций толкнула Италию на сближение с Германией, ради которого Муссолини должен был примириться с будущим присоединением Австрии к Германии, что означало для Италии отказ от надежды занять господствующее положение на Балканах. Италия уже тогда фактически стала союзницей Германии. В этом не было бы несчастья, если бы политика санкций против Италии была последовательно доведена до конца, что, по мнению Блюма, неизбежно привело бы к падению Муссолини, «против которого тогда в самой Италии были и король, и церковь, и значительная часть народа».

Но Муссолини дали победить, и после этого было уже опасной иллюзией надеяться, как это делали Лаваль, Чемберлен и многие другие, что можно будет вновь оживить существовавшую в первое время оппозицию Муссолини против Гитлера. По мнению Блюма, «вся европейская драма от 1935 до 1940 года была в том, что значительная часть европейского мнения, в частности французского и английского, не хотела видеть этот союз, это сообщничество Гитлера и Муссолини и не хотела с ним считаться». Шушниг, который был в Дахау товарищем Блюма по тюрьме, признавался, что он до последней минуты ждал спасения Австрии от вмешательства Муссолини и от сближения между Францией и Италией, которое сделало бы это вмешательство возможным. Но куда должен был Муссолини направить острие своей империалистической политики после того, как союз с Германией заставил его отказаться от честолюбивых планов господства над юго-восточной Европой? Ему оставалось только Средиземное море, и здесь его завоевательные стремления были абсолютно несовместимы с интересами Франции и Англии.

СОБЫТИЯ 7-го МАРТА

К тому же, — замечает Блюм, — после 7 марта Муссолини стал непобедимым в своей стране. 7 марта — это день вступления немецких войск в Рейнскую область. События, связанные с этим днем, имели, согласно Блюму, — и в этом он, без сомнения, совершенно прав — самые роковые последствия для всего развития европейской политики. Блюм все время говорит о «событиях 7-го марта» во множественном числе, имея в виду и занятие Рейнской области немецкими войсками и те внутренне-политические осложнения, которые побудили французское правительство, во главе которого тогда стоял Альбер Сарро, воздержаться от вооруженной акции против Германии. Сам Сарро был сторонником энергичных действий, но он не был в состоянии противостоять давлению с различных сторон — в том числе со стороны французской социалистической партии и самого Блюма.

Позднее Блюм сам рассказывал о роли, которую он сыграл в те дни, и признавал свою ошибку. Но в своих показаниях он ничего не говорил об обстоятельствах, побудивших правительство фактически примириться с совершившимся фактом. Он объяснил это воздержание тем, что он не был прямым свидетелем событий, так как был в то время далеко от Парижа — в Мюрэ у нынешнего президента Франции Венсан Ориоля, где он поправлялся от последствий произведенного на него покушения. Но именно оттуда он по телефону в очень настойчивой форме требовал воздержания от каких-либо вооруженных действий.

Повторяю, он сам это рассказал, — кажется, в следующем году, — и намерения скрыть свою роль у него быть не могло. Вероятно, он не считал нужным повторять вещи, достаточно хорошо известные. Но во всяком случае это следует считать наиболее слабым пунктом его показаний. Именно в этом месте можно было — и, я думаю, следовало — особенно наглядно показать, как опасно подчинять внешнеполитические решения соображениям внутренней политики, так как готовность примириться со вступлением немецких войск в Рейнскую область была продиктована, главным образом, не чрезмерным пацифизмом, а боязнью, что мобилизация заставит отложить предстоящие через два месяца выборы, на которых партии, образовавшие «Народный Фронт», рассчитывали — и вполне основательно — одержать полную победу.

ПОСЛЕДСТВИЯ 7-го МАРТА

Рекомендовав допросить нескольких прямых свидетелей, Блюм перешел к последствиям «событий 7 марта», как эти последствия стали ему ясны за то время, когда он стоял во главе правительства, а потом был вице-премьером в министерстве Шотана. В одном месте своих

показаний он, «чтобы точно передать свою мысль», сказал, что 7-ое марта построило «своего рода первую линию Зигфрида», отделившую Францию от «стальной Европы».

Одна за другой европейские страны меняли свою ориентацию и искали сближения с Германией. Первой была Югославия, премьер-министр которой Стоядинович прямо сказал Блюму, что его правительство уже не может сделать более тесными свои отношения с Францией, потому что: «мы должны считаться с германской опасностью, которой вы позволили возникнуть и развиться». В том же направлении повернула Румыния. И даже Чехословакия взвешивала в то время, не должна ли она стараться найти почву для соглашения и сближения с Германией.

В 1937 г. Блюм был в Праге, представляя французское правительство (он был вице-премьером) на похоронах Масарика. Он говорил с поляками, чехами, румынами, югославами... Все его попытки создать общий фронт для защиты против Германии оставались тщетными, всюду встречая одно и то же возражение: «Теперь, когда Германия снова занимает Рейнскую область, придете ли вы на помощь, если мы окажемся в опасности?» Даже Польша не была больше вполне надежной. А между тем сейчас же после 7-го марта — Леон Блюм сообщает здесь до сих пор неизвестный или мало известный факт — Польша по собственной инициативе выразила готовность занять Силезию, если Франция пошлет войска в Рейнскую область.

И наконец Бельгия отказалась от союза с Францией — что ее не спасло, но очень неблагоприятно сказалось на положении союзников во время германского наступления 1940 года.

Но с 1935 года у Франции был договор с Советским Союзом, равносильный союзному. Блюм так и говорит о союзе с Россией, который очень медленно принимал конкретные формы военного сотрудничества. Французский генеральный штаб относился холодно к этому союзу. Правда, как Блюм подчеркивает со своей любовью нюансов, с его стороны не было сопротивления, но была сдержанность. Главной причиной, как Блюм установил, было то, что генеральный штаб не представлял себе, как отделенная от Германии цепью государств Россия сможет действовать непосредственно против Германии; к тому же генералов смущала неприязнь, существовавшая между Россией и Польшей, от которой они ожидали главной поддержки и боеспособность которой хотели усилить.

Блюм старался влиять на Даладье, который был тогда военным министром, добиваясь, чтобы союз с Россией принял «характер военной солидарности». Но в конце 1936 г. Блюм отказался от своих стараний в этом направлении. Причиной был эпизод, который до того, как Блюм рассказал о нем в своих показаниях, был известен только очень ограниченному кругу лиц.

ДЕЛО ТУХАЧЕВСКОГО

В конце 1936 г. Блюм получил от Бенеша — «от моего друга Эдурада Бенеша», говорил Блюм, — очень секретное сообщение, переданное через сына Блюма. Бенеш усиленно советовал соблюдать величайшую осторожность в сношениях с советским генеральным штабом, потому что, согласно чехословацкой разведке, — которая, замечает Блюм, «пользовалась в Европе заслуженной репутацией», — руководители советского генерального штаба поддерживали «подозрительные отношения с Германией». И Блюм добавил: «Через немного месяцев имел место процесс, известный под названием процесса Тухачевского, в котором среди обвиняемых был Тухачевский, глава советского генерального штаба». В июне 1947 г., когда Леон Блюм давал свои показания, он, видимо, все еще думал, что процесс Тухачевского подтвердил правильность данного Бенешем предостережения. В настоящее время, однако, вряд ли еще можно сомневаться в том, что чехословацкая разведка сыграла тогда очень вредную роль, попавшись на германскую интригу. Правда, можно считать положительным результатом то, что вследствие этой интриги Москва не узнала всех французских военных секретов, которые она после договора с Гитлером могла бы выдать Германии. Но, увы! Германия разгромила Францию и без знания этих секретов.

ПРАВИТЕЛЬСТВО «НАРОДНОГО ФРОНТА»

4-го июня Леон Блюм стал главой правительства, которое сразу приступило к осуществлению широких — и без сомнения, давно назревших — реформ. В своих показаниях Блюм, к сожалению, не остановился на все еще спорном вопросе о том, какое влияние, если не сами реформы, то обстоятельства их проведения, темп его, вынужденный волной забастовок с занятием фабрик, и двойственная позиция коммунистов, бывших одновременно и правительственной, но не входившей в правительство, партией, и «толкающей» правительство оппозицией, — какое влияние все это оказало на международное положение Франции. Это упущение объясняется, вероятно, более всего тем, что давая свои показания летом 1947 г., когда французские социалисты в их большинстве все еще рассматривали себя и коммунистов, как «враждующих между собой братьев», Блюм чувствовал себя обязанным не касаться роли коммунистов в предвоенный период. Он даже ни разу не упомянул коммунистов на всем протяжении своих показаний!

Но даже не говоря о роли коммунистов, он должен был бы для большей полноты и ясности картины остановиться на вопросе, в какой мере в других европейских странах политика определялась тогда впечатлением, что Франция слишком поглощена своими внутренними делами, чтобы активно реагировать на международные осложнения. Было ли, например, только случайным совпадением, что восстание против испанского республиканского правительства началось через шесть недель после прихода к власти правительства «народного фронта»? Я отнюдь не хочу этим сказать, что правительство Блюма должно было отказаться от проведения социальных реформ. Но их можно было и следовало проводить, считаясь в то же время с международным положением и не переставая напоминать народу о грозящих извне опасностях. Между тем, и в промежуток времени между выборами и образованием правительства и в течение еще шести недель проблемы внешней политики были словно совсем забыты, и в какой-то мере в этом был повинен и сам Леон Блюм. В мае, на конгрессе своей партии, выступая как глава будущего правительства, он произнес речь, изумительную по своему красноречию и благородству. Как и все слушатели, я по

время речи был совершенно во власти ее очарования, но после ее окончания был потрясен тем, что в этой речи Блюм даже не упомянул Германии и опасности международного положения. Для большинства французов первые недели правительства «Народного Фронта» были словно счастливым сном. Пробуждение — но все еще далеко не полное — пришло, когда в Испании вспыхнула гражданская война.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ИСПАНИИ

Говоря о событиях, связанных с этой гражданской войной, и сославшись на свои прежние речи и статьи, Блюм предупредил, что он ограничится лишь неизвестными или почти неизвестными деталями, которые будут иметь характер новой информации. Но эти «детали» так обильны и так существенны, что говорить здесь о них всех достаточно подробно, к сожалению, нет никакой возможности. Приходится делать выбор.

Для Блюма восстание в Испании было полной неожиданностью. Буквально накануне он получил очень оптимистическую оценку положения от вице-председателя кортесов (испанского парламента). Это было в субботу, а в понедельник утром, когда Блюм вошел в свой служебный кабинет, на его столе уже лежала телеграмма главы испанского правительства, сообщавшая о начавшемся восстании и просившего оружия и аэропланов. В течение двух дней Блюм вместе с военным министром Даладье и министром иностранных дел Дельбосом (оба радикал-социалисты) выработал план поставки оружия. Соответствующие распоряжения были немедленно отданы.

Но прежде чем начались отправки, весь план со всеми деталями был опубликован в правой печати (в статье де Кериллиса в «Эко де Пари»). Эта публикация вызвала чрезвычайно неблагоприятную реакцию не только в правых кругах, но и в радикал-социалистической партии, несмотря на поддержку, которую Блюм нашел у Даладье и Дельбоса. Блюм раскрыл при этом, что секрет был выдан де-Кереллису тогдашним испанским военным атташе (представителем республиканского правительства!). У Блюма не было большинства сторонников посылки оружия. Но — что мало кому известно — был найден обходный путь: приготовленное вооружение было уступлено мексиканскому правительству, которое переправляло его в Испанию. Когда же было установлено, что Италия посылает Франко аэропланы, 40 или 50 аэропланов были посланы республиканцам из Франции. Кроме того, правительство позднее терпело и «почти что организовало» контрабандную доставку оружия в Испанию. Эта практика продолжалась, несмотря на «политику невмешательства», и при следующих правительствах. Даже тогда, когда в правительстве Даладье «соглашатель» Бонне был министром иностранных дел. Это было условием социалистов для участия в министерстве Шотана и для поддержки министерства Даладье-Бонне.

В Англии преобладало настроение против поддержки республиканцев, и все попытки повлиять на позицию английского правительства, попытки, в которых, между прочим, очень активную роль играл **адмирал Дарлан,** тогда вполне солидарный с Блюмом, остались безрезультатными. Блюм считал себя вынужденным продолжать политику обоюдного невмешательства, на которую Италия и Германия согласились, но которой они никогда не соблюдали. Франция после некоторого периода лояльного невмешательства стала, как уже упомянуто, содействовать контрабандной доставке оружия.

ПОЛИТИКА НЕВМЕШАТЕЛЬСТВА И ОПАСНОСТЬ ВОЙНЫ

Леон Блюм подвергался за эту политику невмешательства не только нападкам со стороны коммунистов, но и суровой критике многих социалистов. Критиковали его и в нашей среде. Только немногим из нас стало известно то, что Блюм рассказал в своих показаниях, а именно, что он имел «очень сильное намерение» уйти в отставку, но не привел этого намерения в исполнение, потому что испанские республиканцы буквально «умоляли» его остаться у власти. Решение продолжать «невмешательство» было принято после того, как адмиралу Дарлану, ездившему с этой целью в Лондон, не удалось переубедить тогдашнего английского министра адмирала лорда Чатфильда, не скрывавшего, что он хотел победы Франко.

Леон Блюм, по его собственным словам, остался убежденным, что в зиму 1936-37 г. г. два раза существовала опасность войны и что война была избегнута в значительной мере благодаря «понижению международной температуры», которое было следствием политики невмешательства. В то время я был в числе тех, кто считал политику Блюма совершенно правильной, но теперь я далеко не убежден в ее правильности. Я думаю, что Блюм переоценивал тогда и продолжал переоценивать, когда давал свои показания, способность Германии и Италии вести войну уже в 1936 г. и их готовность итти на такой риск. Ведь Италия не вступила в войну и в сентябре 1939 г. именно вследствие своей неподготовленности. Но основным остается вопрос, существовала ли возможность преодолеть внутреннее сопротивление.

Когда в марте 1938 г. Леон Блюм снова стал главой правительства, положение в Испании уже было критическим для республиканцев, и в правительстве обсуждался вопрос о военной экспедиции, чтобы по крайней мере спасти Каталонию. Блюм вызвал тогда в Париж офицера, который был французским военным атташе в Мадриде. Этот офицер открыто принадлежал к «Аксион Франсэз», монархической организации Морраса. Его мнение было очень определенно: «Я могу сказать вам только одно: французский король начал бы войну». Рассказав об этом, Блюм добавил: «Я не был французским королем. Для меня было невозможно думать о войне без согласия парламента, без согласия общественного мнения».

Это замечание, конечно, безукоризненно с демократической точки зрения. Но тут возникает другой вопрос. Ни мнение большинства в парламенте, ни общественное мнение не являются неподвижными, не поддающимися воздействию, величинами. Что было бы, если бы Блюм, как только началась испанская гражданская война, заявил бы парламенту и стране, что жизненные интересы Франции не позволяют допустить победу фашизма в Испании? Если бы он это сделал, сообщив все, что он знал, но чего страна не знала, об опасности, нарастающей со стороны Германии, о необходимости для Франции иметь тыл, обеспеченный существованием в Испании дружественного правительства? Никто не может

были в народнических рядах и другие блестящие публицисты, но Чернов глядел дальше и видел глубже. После смерти Ник. Константиновича Михайловского в 1904 г. Чернов занял его место и в течение почти полувека по праву, заслуженно и достойно нес звание идеолога российского народничества и эсерства.

Замечательна интеллектуальная пытливость скончавшегося. По обстоятельствам революционного времени он не имел возможности закончить свое университетское образование. Но это его не обескуражило. Овладев иностранными языками, немецким и французским, он в поисках правды-истины и правды-справедливости стал докапываться до самых первоснов науки о человеке и обществе.

Если в краткой формуле определить, кем был Чернов, я бы сказал, — он был **плюралист.** Не в философском только смысле этого слова, как отрицание какого-либо **одного** начала — материи, духа, экономики, морали, права, — определяющего будто бы все прочее. Нет, Виктор Михайлович был плюралистом и в более широком смысле. Он живо интересовался многим и тянулся к разным областям жизни и знания: к политике и экономике, философии и праву, к истории и литературе, поэзии и фольклору.

Виктор Михайлович Чернов чувствовал себя не только волжанином, самарцем и саратовцем, но и тамбовцем, и москвичем. Коренной великоросс, он одновременно ощущал себя сыном России, европейцем, славянином, гражданином мира. Близких друзей он находил среди украинцев и поляков, евреев и грузин, эстонцев и армян, чехов, сербов, французов. Это ли не плюрализм? **"Русский социализм",** как его понимал Герцен, Чернов сочетал с пониманием социализма Жореса, который утверждал, что "немного интернационализма отдаляет от патриотизма, тогда как много интернационализма к патриотизму приводит".

Не принимая, как плюралист, господства **одного** и, тем самым, абсолютного начала в жизни или в науке, Виктор Михайлович Чернов не мог, естественно, принять и господство большевизма, как тоталитарного монолита. И если наш уважаемый председатель Ираклий Георгиевич Церетели раньше других предостерегал российскую демократию в 17-ом году, что **реакция может войти в левые двери,** то Виктору Михайловичу Чернову принадлежит заслуга уточнения того, что означает эта реакция. В приложении к 1-ому номеру "Револ. России", которую В. М. возобновил в 20-ом году в Балтике, он подробно описал большевистскую охлократию, как господство стихийной толпы, а не организованного народоправства. Тогда шел **пугачевский** период большевистского правления, позднее сменившийся **аракчеевским.**

И Викт. Мих. на всю жизнь остался верен своему представлению о большевизме. Кого только ни смущали в разное время то НЭП, то **сталинская конституция,** то индустриализация, то возвращение на путь традиций и прославления святого Александра Невского и Петра Великого, советский урапатриотизм и внешне-политическая экспансия. Виктор Михайлович этим соблазнам **не** поддался.

Когда встречаешься с молодыми Дь-Ни, с грустью убеждаешься, что часто им незнакомы самые выдающиеся русские имена. Неизвестным для многих из них было и имя В. М. Чернова. Но когда они рассказывают о том, как надо относиться к происходящему в России, или о том, как они себе представляют желательное будущее, с удивлением устанавливаешь, что они говорят общим нам всем народническим или, общее, демократически-социалистическим языком.

В. М. больше нет. Но идеи, которые были ему так дороги, — гуманизм, народоправство, социализм, хотя бы по-иному именуемый, — живы и, мы надеемся, будут жить.

Письмо В. М. Зензинова

Весть о смерти Виктора Михайловича застала меня на больничной койке, и я не могу сейчас вместе со всеми вами проводить его в последний путь. Но сказать несколько прощальных слов считаю необходимым.

50 лет тому назад для нашего дружного кружка молодежи, изучавшей философию в немецких университетах, Виктор Михайлович Чернов был если не единственной, то во всяком случае центральной фигурой, к которой мы присматривались и прислушивались. Михаил Гоц, Волховской, Швицко, бабушка Брешковская были целым поколением старше нас. От В. М. нас отделяли всего шесть-семь лет.

Его статьи по философии, социологии и экономике в легальных журналах мы читали и горячо обсуждали; внимательно следили за его статьями по вопросам программы и тактики в партийном органе "Революционная Россия", выходившем в Женеве; часто присутствовали на его докладах и дебатах с его участием на многолюдных русских собраниях в Женеве, Цюрихе и Берне.

А в октябрьские дни 1905 года были с ним уже в одних рядах в Петербурге.

"Молодым гигантом" назвал его Рубанович на 1-ом партийном съезде на Иматре на рубеже 1906 года. Виктору Мих. было тогда только 33 года, но, в самом деле, он вынес тогда на своих плечах основную работу съезда. На нем же лежала политическая работа следующего десятилетия. В 1917 году и после наши пути нередко расходились, но для большинства партии Виктор Мих. неизменно оставался признанным политическим руководителем.

Расходясь в деталях и частностях, мы оставались вместе в основном. Это основное было в бескомпромиссном принципиальном отрицании большевизма и большевиков. Для меня не может быть большей похвалы в отношении к Виктору Мих., чем указание на то, что **ниже и никогда** Виктор Михайлович Чернов не изменял делу борьбы с большевистским тоталитаризмом.

В последнюю минуту, накануне самой своей смерти, судьба как будто взглянула на него с улыбкой: он мог прочитать свою подпись под призывом к объединению обеих российских социалистических партий. Создание единой российской социалистической партии было заветной мечтой Виктора Мих-ча, которую он лелеял со времен своей юности.

Говоря эти последние прощальные слова, я не могу не упомянуть и о том человеке, который был кровно связан с Виктором Михайловичем за последние 35 лет их совместной жизни, я говорю об Иде Самойловне. Ей мое выражение искренней скорби — слова слабого человеческого утешения.

В следующем номере "С. В." будет помещен некролог М. А. Алданова.

PRINTED IN FRANCE

Imprimerie de la S.N.I.E., 33, rue de Ménilmontant, Paris (20e)

Le Gérant : Charles DUMAS

все, что угодно, и быть уверенным в том, что на следующий же день после выборов они позабудут все данные им обещания».

Консервативный лондонский «Таймс» пишет по этому поводу, что не надо забывать, что нынешний избиратель отлично разбирается в политике, и что партия, которая попытается путем легкомысленных обещаний привлечь голоса, сама себе вынесет смертный приговор. Кажется, что консервативная партия уже начинает расплачиваться за свою предвыборную демагогию. По объективным подсчетам, выходит, что если бы сейчас были произведены общие выборы в парламент, то Лейбор партия получила бы абсолютное большинство в 100 или даже 150 мандатов. Если на местных выборах в будущем году эта тенденция будет продолжаться, то положение нынешнего правительства, не располагающего большинством голосов в народе и не имеющего больше опоры в городских советах, может стать очень затруднительным.

Лондонские выборы показали еще раз, что некогда могучая и влиятельная либеральная партия Гладстона, Асквита и Ллойд-Джорджа почти уже умерла: не получив ни одного мандата в столице, партия эта не может больше претендовать на роль обще-государственной.

Что касается коммунистов, то они в Лондоне выставили 9 кандидатов. Но ни один из них не был избран. В 1949 г. они во всем «левом» Лондоне собрали 26.000 голосов, — против 1.300.000 голосов Лейбор партии. Сейчас же они получили всего 10.000 голосов, в то время, как социалисты собрали 1.600.000 голосов.

Еще больше провалились фашисты: группа Мосли собрала во всем Лондоне только 3.000 голосов и, само собой разумеется, не получила ни одного мандата.

Два слова о составе новоизбранных городских советников. Прежде всего бросается в глаза довольно большой процент женщин: среди 129 советников обеих партий имеется 41 женщина. Это объясняется тем, что городские советники в Лондоне не получают никакого вознаграждения за свой труд, а между тем эта работа отнимает не меньше двух рабочих дней в неделю. Поэтому каждая партия старается найти среди своих членов таких, которые нигде не служат и имеют возможность посвящать много времени общественной работе. Естественно, что среди них большой процент домохозяек, у которых муж работает, а они сами могут урвать достаточно времени для выполнения обязанностей городского советника.

Что касается политического направления городских советников Рабочей партии, то анализ состава дает возможность сделать некоторые заключения относительно внутреннего развития партии. Лондонская организация Лейбор партии почти целиком настроена против левой оппозиции, как она представлена Беваном, стяжавшим себе известность своей борьбой против политики Этли и большинства партии.

На общегородской лондонской конференции партии, которая имела место за месяц до выборов, в городской Исполнительный Комитет партии было избрано 26 сторонников большинства, и лишь один сторонник оппозиции. Главными ораторами на избирательных собраниях были Моррисон, Гейтскил, Шинвел, Гордон Вокер, — все непримиримые противники Бевана. Ни сам Беван, и ни один из его сторонников не были ни разу приглашены выступить на одном из этих собраний.

Победа Рабочей партии в Лондоне укрепит престиж нынешнего руководства партии и, в частности, Герберта Моррисона, вождя лейбористского Лондона.

ПАМЯТИ В. М. ЧЕРНОВА:

ПОХОРОНЫ

18-го апреля российский демократический и социалистический Нью-Йорк проводил в могилу В. М. Чернова. На похоронах собралось очень много народа, главным образом, из среды старой эмиграции, но немало было и молодых лиц из среды новой эмиграции. Были и американские друзья покойного.

Траурное собрание было открыто Алексеем Ивановичем Черновым от имени Н.-И. Группы партии С.-Р., секретарем которой он является. Он передал затем председательство Г. И. Церетели, близкому другу покойного и соратнику его по февральской революции 1917 г. И. Г. Церетели говорил о Чернове, как о вожде крестьянской революции; М. В. Вишняк характеризовал покойного, как вождя и теоретика партии с.-р., и огласил письмо заболевшего В. М. Зензинова; Р. А. Абрамович отметил роль Чернова в деле подготовки будущей единой и широкой партии демократического социализма в России. Профессор Филипп Мозли, директор Русского Института при Колумбийском университете, рассказал о своей давней дружбе с покойным и с И. С. Черновой. Г. Я. Григорьев произнес теплую речь от имени украинских с.-р., Вацлав Сольский говорил от польских социалистов (ППС). Хаим Гринберг, личный друг покойного, от социалистов Израиля. Б. И. Николаевский от Лиги Борьбы за Народную Свободу. Иосиф Баскин от еврейских рабочих и социалистических организаций, Л. Фогельман от редакции еврейской соц. газеты "Форвертс", для которой В. М. написал целую серию статей.

Было получено большое число телеграмм и писем, в том числе от Соц. Интернационала, за подписью Брауншталя; Британской Лейбор партии, за подписью Моргана Филлипса; от Американской социалистической партии за подписью Нормана Томаса; от Комитета Свободных Профсоюзов, за подписью Мэтью Уола; от Интерн. Союза дамских портных за подписью Д. Дубинского; от Союза Портных Амалгамейтед, за подписями Голлендера, Миллера и Ля Карпия; от Координационного Комитта Бунда, за подписью Новогрудского, и мн. др. Среди венков был также венок от адмирала Керка, председателя Американского Комитета Освобождения Народов России.

Тело В. М. Чернова было, по завещанию покойного, предано сожжению в крематории города Нью-Йорка.

Речи М. В. Вишняка и В. М. Зензинова печатаются в этом же номере. Тексты речей Р. А. Абрамовича и И. Г. Церетели появятся в следующем номере "Соц. Вестника".

Речь М. В. Вишняка

От имени нью-йоркской Группы Партии Социалистов-Революционеров приношу выражение скорби и печали по поводу кончины Виктора Михайловича Чернова — одного из основателей нашей партии, неоспоримого ее лидера в течение первых 15 лет ее существования, виднейшего теоретика не только эс-эрства, но и народничества в целом.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМЕНИ ЧЕХОВА

ИЗВЕЩАЕТ О ВЫПУСКЕ ЦЕЛОГО РЯДА КНИГ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ.

СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ:

И. БУНИН — Жизнь Арсеньева. Первое полное издание, 388 стр. .. .. **Цена $ 2.75**
Иван Бунин — единственный русский писатель, удостоившийся Нобелевской премии. Рукой большого мастера в "Жизни Арсеньева" запечатлены детство и юность писателя, протекшие в местах, где жили Лермонтов, Тургенев, Толстой и Фет.

С. ЮРАСОВ — Враг народа. Роман.
197 страниц .. .. **Цена $ 2.00**
На фоне жизни советской администрации в Восточной зоне Германии автор — бывший подполковник Советской армии — нарисовал портрет советского майора Федора Панина, после тяжких разочарований решившего порвать с советским правительством и стать эмигрантом.

М. БУЛГАКОВ — Сборник рассказов.
200 страниц .. .. **Цена $ 1.75**
Михаил Булгаков принадлежит к числу пионеров советского периода русской литературы. Благодаря, однако, своему сатирическому таланту покойный писатель рано попал в списки неугодных авторов в СССР.

Н. ТЭФФИ — Земная радуга. Сборник рассказов из жизни русской эмиграции. 282 стр. .. .. **Цена $ 2.00**
Тысячи русских людей совершили вместе с Тэффи незабываемый "исход" из России вскоре после Октябрьского переворота. И каждый из них — словом, взглядом, жестом — оставил след в творческой памяти писательницы и отразился в "Земной радуге".

Ю. ЕЛАГИН — Укрощение искусств.
Воспоминания музыканта. 434 стр. .. .. **Цена $ 3.00**
Книга эта, сперва вышедшая по-английски, удостоилась очень лестных отзывов в американской печати. Написанная в непритязательной форме воспоминаний молодого музыканта, она дает яркое представление о реальных условиях жизни не только музыкантов и деятелей театра, но и писателей, лишенных основного условия для творчества — свободы.

В. АЛЕКСЕЕВ — Невидимая Россия.
406 стр. .. .. **Цена $ 2.75**
Повесть-хроника о жизни советской молодежи, об организации первых религиозно-политических подпольных кружков. Повесть эта в значительной степени автобиографична. Автор сам вышел из кругов той советской молодежи, которой показались тесными официальные советские организации. Искренне и просто Алексеев рассказывает, как из осторожных бесед с такими же, как и он юношами, искателями правды и смысла жизни, возникли кружки, члены которых были позже арестованы и отбывали советскую каторгу.

А. АХМАТОВА — Избранные стихотворения. 272 стр. .. .. **Цена $ 2.25**
В одной книге собраны стихи из всех ранее вышедших сборников Ахматовой, а также стихи последних лет (1940-1946 г. г.). Вскоре после второй мировой войны, творчество Ахматовой в Советском Союзе было объявлено "чуждым" по своим настроениям "советскому народу". Это не мешает Ахматовой попрежнему пользоваться признанием и симпатией в широких кругах читателей.

С. МАЛАХОВ — Летчики. Пьеса. 72 стр. .. **Цена $ 1.00**
В драматической форме в этой пьесе поставлены вопросы, волнующие каждого, как нового эмигранта, так и подсоветского человека. Пьеса уже принята к постановке Новым театром в Нью-Йорке.

М. КОРЯКОВ — Освобождение души.
364 стр. .. .. **Цена $ 2.75**
Не случайно книга Корякова начинается двумя очерками о боях на подступах к Москве, в которых он принял участие. Сквозь огонь и страдания открылась автору правда: диктаторской власти не удалось сломить дух русского народа. Сталинизм обречен на уничтожение, он погибнет в огне возрожденной веры советской молодежи в ценность религии и человеческой личности. Впервые к этому выводу Коряков пришел, еще работая в Толстовском музее в Ясной Поляне. В серии внутренне-связанных очерков автор воспроизводит основные этапы его собственного освобождения из пут официального мировоззрения, которые и привели его к решению порвать с СССР.

С. МАКСИМОВ — Тайга. Сборник рассказов. 208 стр. .. .. **Цена $ 1.75**
Молодой автор из Ди-Пи, два года назад приехавший в США, уже успел обратить на себя внимание читателей и критики своим романом "Денис Бушуев", который вышел по-английски, по-немецки и по-русски. В "Тайгу" вошли рассказы о людях, с которыми Максимов познакомился, когда сам отбывал концлагерь. Тайга — дремучая и неизведанная — фон этих рассказов. Но такой же неизведанной, дремучей, а порой и страшной, является душа многих действующих лиц этих рассказов.

◆

1 МАЯ ПОСТУПАЮТ В ПРОДАЖУ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

КОНСТАНТИН КРИПТОН — Осада Ленинграда	$ 2.00
ЕВГЕНИЙ ЗАМЯТИН — Мы	$ 1.75
ВЛАДИМИР НАБОКОВ — Дар	$ 3.00
НИКОЛАЙ ЛЕСКОВ — Соборяне	$ 2.75
Б. ПАНТЕЛЕЙМОНОВ — Последняя книга	$ 2.00
Н. ГОГОЛЬ — Повести	$ 2.00
А. ТЫРКОВА-ВИЛЬЯМС — Пути к свободе ..	$ 3.00
Г. ФЕДОТОВ — Новый град	$ 2.75
Р. ГУЛЬ — Конь рыжий	$ 2.00
ФЕДОР ТЮТЧЕВ — Избранные стихотворения	$ 2.00

КНИГОТОРГОВЦАМ ОБЫЧНАЯ СКИДКА

Вышеназванные книги можно приобретать в русских книжных магазинах или выписывать непосредственно от издательства по адресу:

CHEKHOV PUBLISHING HOUSE. 14 EAST 28th STREET, NEW YORK 16, N.Y.